

Пётр Алмазный + Greko

Книга 2

ЧЕРКЕС

Петр Алмазный
Черкес. Книга 2

«Автор»

2026

Алмазный П.

Черкес. Книга 2 / П. Алмазный — «Автор», 2026

Продолжение приключений попаданца из XXI века в мир рыцарей плаща и кинжала XIX века. Теперь его ждут новые друзья и опасные враги, заманчивые предложения, а также большое путешествие, включая самый странный в мире морской круиз. Сумеет ли герой не поддаваться искушению и не свернуть с выбранного, а, возможно, и предначертанного пути?

Содержание

Глава 1. Пароход на Одессу.	6
Глава 2. Пыльная неласковая красавица.	12
Глава 3. Тайная вылазка.	18
Глава 4. Адаша и позорные столбы.	24
Глава 5. Человек в большом городе.	31
Глава 6. Фланер и подкаблучник.	38
Глава 7. Саранча и кантина.	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Greko, Петр Алмазный

Черкес. Книга 2

Название: Черкес. Книга 2. Барочные жемчужины Новороссии

Авторы: Greko, Петр Алмазный

Глава 1. Пароход на Одессу.

Ветер с берега развеивал ленты капора Марии и мешал мне разглядеть флаг над шлюпкой. Чтобы он развернулся, как нужно, бризу следовало бы вспомнить о законах природы и задуть в сторону суши. Оставались лишь ждать и молиться.

Сестра догадалась по моему побледневшему лицу, что дело пахнет неприятностями.

— Это всё? За нами? – тихо спросила она, крепко вцепившись в перила палубы одной рукой, а другой прижимая сына к себе, словно надеясь его защитить.

— Как вы ласково звали отца на женской половине? – спокойным тоном ответил я вопросом на вопрос.

— Как звали? – она развернулась ко мне в недоумении. – Конечно, Яни. Ты не догадался, почему я назвала сына Янисом?!

Упс, вот это я маху дал. Выходит, Коста – сын Яниса, а не Спиридона! Теперь сделанного не воротить: так и останусь Спиридоновичем. Рассказать кому – не поверят: сам себя породил.

Матросы засуетились. За борт полетел веревочный трап. Рядом принялись устанавливать нечто вроде мини-крана с подвешенной к нему приспособе, вроде детских качелей.

Шлюпка начала красивый маневр поворота по широкой дуге. Шесть гребцов в расшитых галунами красивых мундирах слаженно опускали весла на воду. Флаг, наконец, заполоскал во всю свою ширь. Русский! Над шлюпкой и над Босфором гордо реял Андреевский флаг!

— Все в порядке, Мария! – выдохнул я облегченно: сам не заметил, в каком напряжении был несколько минут. – Это посол и его свита. Решил воспользоваться служебным положением и сэкономить несколько часов. Сейчас погрузится – и поплывем дальше. Одесса ждет нас!

Сестра оторвала руку от поручней и погладила меня по плечу. Я лишь улыбнулся в ответ, надеясь вселить в нее спокойствие, которым сам не обладал.

— Мне следует провести мистера Спенсера. Быть может, у него найдутся ко мне поручения. А вы потихоньку устраивайтесь на палубе. Нам тут более двух суток предстоит провести.

Двухмачтовый деревянный пароход имел одну палубу, условно разделённую на две части торчащей прямо из настила широкой черной трубой с прикрученной к ней еще одной, узкой. Палубные пассажиры размещались на баке, то есть, в передней части корабля, под которой, как я понял, были устроены каюты офицеров. Мне же нужно было пройти на корму. Там размещались каюты пассажиров первого и второго классов. На пароходе не было помоста, называемого на парусном флоте шканцами – традиционного места капитана. Его роль играла часть палубы около рулевого, где в настоящую минуту Спенсер о чем-то увлеченно беседовал с капитаном. Поодаль сгрудилась немаленькая толпа людей в роскошных восточных одеяниях – по-видимому, пассажиры второго класса.

— Вы только взгляните, Спенсер, как эти болваны заводят штормовой трап?! – горячился капитан, оказавшийся, к моему удивлению, англичанином.

Матросы на мгновение отвлеклись от своей работы, чтобы радостными криками поприветствовать подходящую шлюпку. Она мягко скользила по волнам, управляемая одним рулевым. Гребцы встали у своих банок и вздёрнули весла в приветствии. Лопасты торчали строго вверх в двух безукоризненных линиях. Сразу была видна суровая боцманская муштра, научившая турецкий экипаж шлюпки русским флотским порядкам. Ничто не должно было умалить чести русского посланника!

— Какая жалость, что я не имею права ответить выстрелом из пушки, – пожаловался капитан.

— Не огорчайтесь, сэр. Считайте это вашей маленькой мстью русскому флагу. Мы здесь, в Стамбуле, наслышаны, какой скандал устроил наш посол в России пару месяцев назад, когда его в Одессе не встретили подобающим салютом, – успокоил его Спенсер.

У веревочного трапа какой-то морской офицер в эполетах и треуголке пытался построить несколько матросов, наряженных в белые мундиры с двойным рядом пуговиц и в забавные цилиндры, для отдания чести посланнику.

— У меня восемь матросов и восемь работников машинного отделения. И все поголовно лентяи, пьяницы и непроходимые тупицы! Мне бы хватило 10 человек, прошедших Королевский флот, чтобы все работало как часы. Но с этим народом приходится держать ухо востро!

— Уверен, капитан Кови, вам хватит решимости держать команду в повиновении, – шаркался Эдмонд.

Он был, как я успел заметить, из породы людей, которых принято называть «пле-зент-мэн» и которые умели вовремя сказать собеседнику именно то, что он желал услышать.

— Благодарю, Эдмонд, за понимание, – отозвался капитан. – Эти каналы за два года, что корабль торчал в доках на ремонте, почти отбились от рук. И сейчас, когда на мою голову свалились эти чертовы аристократы, придется повертеться. В моем распоряжении всего два эконома – один мужского пола, другой – женского, и, уверен, всё их внимание достанется первому классу. А армянские и турецкие купцы с нижней палубы будут всю дорогу нить, что им не подали вовремя обед.

— Кстати, об обеде. Можно ли ожидать вечернего застолья в кают-компании?

— Вы же понимаете, сэр, – скривился капитан, – когда на борту посол, я не полномостный хозяин на своем корабле. Как он прикажет, так и будет. Нет! Черт побери! Нет! Эти идиоты сейчас уронят мадам Нарышкину!

Моряки поднимали наверх веревочную люльку с Ольгой-сладострастницей.

К моему глубокому огорчению, высадка нежного груза прошла штатно, без приключений. Нарышкина, не удостоив и взглядом Спенсера и Кови, проследовала к своей свите, бывшей на борт еще в Стамбуле – молодого щеголя в офицерском мундире и итальянца-врача, которого, как я слышал ранее в посольстве, звали Титус Ванцетти и который сопровождал княгиню во всех ее поездках. Рядом с ними отирался какой-то венгерский дворянин в синем доломане, расшитом золотыми шнурами, как у заправского гусара.

— Сэр, – обратился я к Эдмонду, – будут ли какие-то указания?

Он кивнул мне, подтверждая, что услышал вопрос и обратился к Кови, не отрывавшего взгляда от подъема на борт супруги посланника с ребенком на руках:

— Капитан! Какие мне дать указания моему слуге и переводчику? Есть ли какие-то строгие рестрикции на вашем корабле в отношении сервисного обслуживания?

— Он – палубный пассажир? – уточнил Кови. Спенсер кивком подтвердил. – В таком случае нечего ему тут шлаться. Пускай появляется на юте, когда придет время подавать вам чай. А вниз, на палубы – особенно, первого класса – ни ногой! Там и так тесно, как в марсельском кабаке ближе к ночи.

— Дозволено ему будет сейчас, пока все пассажиры наверху, спуститься и разложить мой дорожный набор?

— Эй, ты! – окликнул меня капитан-грубиян. – Спустишься на верхнюю палубу, найдешь эконома. Он покажет тебе каюту твоего хозяина. Разложишь вещи – и марш на бак!

— Ступайте, Коста, – отпустил меня Спенсер с невозмутимым видом.

Вечно эти моряки напридумывают названий, от которых – хоть на стенку лезь! «Вниз на верхнюю» – вот как это понимать?! Оставалось лишь предположить, что мне надлежит спуститься на один пролет лестницы – трапа, как говорят на флоте – и там искать нужного человека.

Впрочем, в поисках не было нужды. Стоило мне оказаться на первой палубе под ютом, нырнув в открытый люк, как еще один грубиян-англичанин свалился на мою голову: как оказалось, тот самый эконом. Он ткнул пальцем в нужную мне дверь и посоветовал держаться

подальше от «зала» и тем более от «ванны», чтоб ему не пришлось пересчитать мне ребра. Под «залом» и «ванной», вероятно, следовало понимать кают-компанию и туалетную комнату.

Да уж, тесновато здесь, в первом классе, и вовсе не люкс!

Шесть кают были устроены с помощью поперечных и продольных перегородок. Прибежище Спенсера на время перехода до Одессы оказалось узким пеналом с прямоугольным окошком в переплете. Кроватями служили два открытых ящика, подбитых изнутри парусиной. В одном из них были небрежно свалены два знакомых мне дорожных кофра.

Извлек из одного несессер в виде прямоугольного ящика с выдвижными полочками и сигарный хьюмидор (о нем Эдмонд меня заранее предупредил). Из другого – вечерний костюм со всеми аксессуарами, который с трудом пристроил на стенке перегородки на сверкающих начищенной медяшкой крючках. И поспешил наружу, опасаясь встречного потока из благородных господ, с которыми, непонятно как, пришлось бы расходиться в узком проходе коридора.

Вспомнил, что не вытащил домашние туфли для Эдмонда, но решил не возвращаться. В конце концов, я не нанимался тапочки хозяину подносить, словно тренированный спаниель. Как-нибудь сам справится, не маленький. Мне еще сестру нужно было с племянником устроить.

На баке было не менее тесно, чем в господской части. Матросы сбили пассажиров в плотную толпу, чтобы не мешали им устанавливать кливер: пароход, оказывается, шел не только с помощью гребных колес. Мария с Янисом испуганно жались друг к другу в самом центре, в ужасе глядя на плотный дым, валивший из трубы. Под палубой грохотала машина.

Я ободряюще им улыбнулся и помахал рукой. И тут же чуть не полетел на палубу от толчка очередного грубияна в форме моряка.

— Не путайся под ногами, сухопутная крыса! – буркнул мне матрос, не подумав извиниться.

— Эй, эй, полегче, братишка! Не стоит так называть бывшего капитана! – прихвастнул я былыми подвигами настоящего Косты.

— Ух, ты! Ты – из наших? Одессит? – тут же сменил тон моряк. – Что же ты ходишь по-рачь?

— В первый раз на пароходе, – попытался я выкрутиться из очевидного и неизбежного провала моей легенды – по крайней мере, в морской ее части: из меня – такой же моряк, как из Спенсера – добропорядочный сквайр.

— Не ты первый, не ты последний. У всех, кто сюда в первый раз попадает, поджилки трясутся. Грек? – мигом определил он мою национальность. – Из одесских или балаклавских?

— Из грецких, – улыбнулся я.

— С Архипелага что ли?

— С Островов, – подтвердил я.

— Ух, ты! – снова восторженно воскликнул моряк. – Воевал с туркой?

— Было дело.

— Наш человек! В Одессе много греков, встретят как родного!

— Мне бы, братишка, семью свою пристроить покомфортнее на ночевку. Поможешь?

— Покомфортнее? Слово-то какое барское...

— Не цепляйся. Я у англичанина переводчиком – нахватался разного. Так можешь с удобствами? А с меня бакшиш. Специально для такого случая табачку отборного из Константинополя прихватил.

— Братишка! Да я и без табачка тебе помогу! Хотя в Туретчине табачок знатный. Ща бозману шепну про тебя...

Младший офицер в коротком темном мундире с одной звездой на эполете выскочил, как черт из табакерки, из-за трубы, схватил морячка за шиворот белого кителя и пинками погнал

на нос корабля, не удостоив меня и взглядом. Тот смешно семенил ногами, хватаясь руками за свой форменный цилиндр.

Я застыл в растерянности, не зная, что предпринять. На меня угрюмо пялились палубные пассажиры – разношерстная толпа, в которой выделялись своими полосатыми накидками, восточными нарядами и грязными лицами еврейские паломники из Палестины – успел на них посмотреть в Стамбуле.

Офицер вернулся и любезно осведомился:

— С кем имею честь...?

— Личный переводчик мистера Спенсера, Коста Варвакис, – отрекомендовался я, на всякий случай, как можно более пафосно в надежде, что мой визит на ют не остался незамеченным.

— Мичман торгового флота Савелий Касатонов! – офицер лихо отковырял.

— Торговый, а все по-военному...

— Так ведь – пушки на корабле... – удивился моему вопросу мичман. – Я правильно понял, что вы переводчик?

— Так точно! – подыграл в ответ, вызвав улыбку, и перечислил языки, которыми владел.

— Бог вас нам послал, господин Варвакис! Помогите с басурманами разобраться! Ни бельмеса же, черти, по-нашему не разумеют.

С моей помощью мы с грехом пополам смогли успокоить пассажиров и придать всему происходящему на баке некое подобие порядка. Взамен мне помогли разместить Марию и Яниса с максимально возможным комфортом.

Митька, морячок, с которым я столкнулся у паровой трубы, притащил парусину и мигом соорудил нам постели. Пообещал брезент, если ночью закапает с неба. Научил, как чаем разжиться.

В его активности беспокоило лишь одно: уж больно заинтересованным взглядом он на сестру косился. Вот не было раньше печали, а ныне приходилось беспокоиться о вопросах нравственности. Еще та забота на меня свалилась, и об этом нужно было много думать. Как устроить сестру с племянником перед моим отъездом в Крым и далее? Вот на какой вопрос требовалось найти быстрый ответ.

Не выходило из головы и другое: вроде, обещал табаком Митьку угостить, но как с моряками общаться? Мигом просекут, что я в морских делах – полный профан и «краб». А ну как доложат кому не следовало бы? С другой стороны, знания из этой области нужны кровь из носу, чтобы моя легенда не лопнула, как мыльный пузырь, в самый неподходящий момент. Не на конях же мы в Черкесию поскачем?

Мои страхи, вроде, оказались напрасными.

На баке, в стороне от пассажиров, возле бочки с водой нашлось место для курения свободных от вахты матросов. После того, как пароход выскочил из Босфора и уверенно зашлепал колесами, правя курс на север, Митька освободился. Потащил меня в «курилку», чтобы я исполнил свое обещание насчет «угоститься табачком». И все разговоры там вертелись исключительно вокруг табака.

Меня просветили, что мода на сигары, что нынче завелась в Одессе, где ими дымили все подряд, «на корабле ни в жизнь не приживется». Только трубка, как издревле заведено. Дерево кругом, пенька, нет ничего более страшного для моряка, чем пожар на борту.

— Нам после заката и к трубке запрещено прикасаться. Мигом линьков отхватим, – пояснили мне матросы, беззастенчиво разбиравшие турецкий табак из маленького бочонка, который Митька ловко вскрыл, зачистив от смолы крышку.

— А я своему, – признался, имея в виду Спенсера, – сигарный ящик приготовил в каюте.

— Так – то «значительные», перший класс, у них свой порядок, – важно ответил мне седой моряк, всюду пыхающий своей гнутой трубкой. – Хороший табачок! Благодарствуем!

— Все равно не пойму. У вас из трубы дым валит, искры летят. А курить – только на баке. Матросы засмеялись. Седой снисходительно пояснил:

— Мачты отнесены от трубы так, чтоб на такелаж ничего горящего не попало. Анжанеры считали. Вот сколько, по-твоему, нас лошадей по морю ташат?

Я лишь развел руками: откуда мне знать КПД парового котла, что надрывался в трюме, заглатывая дрова или уголь.

— Говорю всё честь по чести: полная сотня! – продолжал важничать седой моряк. – Ежели встречный не поймает, можем и за пятьдесят часов до Одессы обернуться.

Я хмыкнул про себя: в моей «сузуки» с двухлитровым мотором и то поболее было «лошадок».

Моряки меж тем сердито зашипели: мол, не дело заранее время прибытия сообщать. Плохая примета!

Суеверные, хуже бабок старых. Впрочем, их можно понять: пусть пароход перестал зависеть от ветра, что дало возможность установить регулярное сообщение Одесса-Константинополь, неожиданностей все равно хватало. И первая среди них – это буря или шторм.

— А я говорю: нормально пойдем! – не унимался Седой. – Ветер в корму. Щаз ахфицеры свистнут парусов прибавить!

— Так вы не только под парами ходите? – удивился я. – И под парусами?

— Вот ты – чудак-человек! Нешто не видишь, какая у «Невы» оснастка?

Па-бам, приплыли! И что мне ответить? Сколько раз мне еще предстоит выглядеть в глазах окружающих полным болваном? Сейчас на меня с ехидством смотрели три пары глаз, а я не знал, что ответить. Пауза затягивалась.

Вскинул голову и тихонько пропел:

Надоело говорить и спорить

И любить усталые глаза...

В флибустьерском дальнем синем море

Бригантина поднимала паруса.

Моряки в разноразной загалдели в восхищении.

— Как-как ты напел? Усталые глаза?

— Что за море такое – флибустьерское...?

— Глядишь, ты! Не ошибся!

— А я говорил, я говорил... – громче всех разорвался Митька. – Наш человек, морская кость! Сразу определил, что у нас от бригантины оснастка!

Вот это я в яблочко попал! Вот так бы каждый раз!

Моряки громко требовали, чтобы я продолжил песню.

Но тут пришел дворник и всех разогнал... То бишь – злой мичман. Он нарисовался, стоило морякам расшуметься.

— А ну! Разорались, как чайки! Быстро отдыхать! – концерт по заявкам закончился, не успев начаться. – И вы, Варвакис, шли бы спать. Пользуйтесь тем, что море спокойно. Кто знает, что нас ждет завтра?

Как в воду глядел (хотя куда тут еще глядеть – море вокруг?). С утра посвежело, появилась продольная качка.

На меня не действовала морская болезнь – и слава Богу. Тем более, что меня вызвали на ют подать чай Спенсеру. Вчера он словно забыл о моем существовании, а сегодня вот вспомнил. И как тут это все устроено?

Миновав прохаживавшихся по палубе дам под зонтиками, прошел к открытому люку, ведущему в каюты первого и второго классов. Оттуда высунулся давнишний грубиян-эконом, пихнул мне в руки поднос с чашкой и чайником. Следом он выставил складной столик, который я зажал под мышкой.

Застыл в растерянности, но тут – на мою удачу – подошел лакей в ливрее цветов Нарышкиной и тоже вооружился чайным набором. Я знаком предложил ему показать мне мастер-класс. Лакей надменно склонил седую голову, согласившись. С его зеленым цветом лица это выглядело, по меньшей мере, нелепо.

Он раскрыл столик, водрузил на него чайный набор и трубку и степенно зашагал в направлении рулевого. Справа от матроса, с подветренной стороны, стояли господа, включая Спенсера, куrivшего сигару. Стоило лакею приблизиться, как качка сыграла с ним злую шутку. Он не удержал равновесия и запнулся, опрокинув столик. Чашка с чайником уцелели, столик рассыпался, а трубка улетела за борт, подлю проскочив под перилами палубы.

Молодой офицер из свиты Нарышкиной, лениво растягивая слова, заключил:

— Яшка! Вернемся домой, напомни мне приказать тебя высечь.

Лакей – первый русский крепостной на моем пути – оправдываться не стал и принялся молча собирать обломки столика.

Теперь мой выход.

Глава 2. Пыльная неласковая красавица.

— Не огорчайтесь, мон бель ами, возьмите мою сигару, – обратился к молодому офицеру Спенсер, протягивая узкий походный кожаный портсигар. – Коста, не стойте болваном. Поставьте поднос на палубу и сперва разложите столик. Нам хватит приключений, а я, как англичанин, не могу позволить себя остаться без полуденного чая!

Вся компания вокруг дружно рассмеялась.

Я благополучно проделал все необходимые манипуляции, включая наполнение чашки, и замер в ожидании дальнейших указаний. Спенсер меня пока не отпускал.

— Благодарю за сигару! – склонил голову в легком поклоне напыщенный юнец и продолжил прерванный инцидентом с лакеем разговор. – Уверяю вас, Одесса – город совсем не русский. Это город иностранный, вам это сложно будет понять. Нет там милого нашему сердцу русского гостеприимства. Да, наместник Новороссии граф Воронцов устроил нам блестящую жизнь с балами, оперой и променадом с военным оркестром. Но сам город дышит одной наживой.

— Одессу сделала торговля зерном, – пояснил посланник Бутенев из-за плеча Спенсера. Он неожиданно мне подмигнул.

Что это значит? Он в курсе моей миссии?

— Мне говорили, что корабли из Италии везут в качестве балласта пиленный камень для мощения улиц, чтобы потом отправиться обратно, доверху забитые зерном, не так ли? – спросил Эдмонд.

— Не только камень, милорд, – охотно пояснил Бутенев. – В Одессу везут все, что производит весь мир! Порто-франко! Город превратился в гигантский склад под открытым небом. Люди предпочитают использовать свои дома для складирования товаров, вместо сдачи их в наем. Имейте это в виду, с жильем в Одессе напряженно. Впрочем, отели великолепны, не уступают по роскоши парижским, и среди них самый шикарный – это Ришельевский.

— Отель «Ришелье»? – уточнил Спенсер.

— Именно так!

— Благодарю за подсказку!

— Я вам рекомендую подготовить письмо в отель, чтобы забронировать комнату. Вас ждет 14-тидневный карантин на берегу, но письмо у вас заберут, не беспокойтесь. Увы, это общее правило для всех прибывающих в Одессу – и для русских, и для иностранцев. Никто не в силах его отменить, даже мой дядя, губернатор Лев Нарышкин, – пояснил Спенсеру молодой офицер.

— Правило есть правило, – уныло согласился Эдмонд: идея проторчать в изоляции две недели никого не воодушевит.

Меня тоже. Услышанное – поразило. Хотелось побыстрее расспросить в подробностях моих знакомых матросов обо всех ожидавших нас неприятностях.

— Позвольте, господа, традиционный вопрос туриста... Чем славна Одесса в гастрономическом смысле? – попытался взбодриться Спенсер.

— Вам непременно следует отведать черной икры из устья Днестра, – немедленно отозвался племянник Нарышкина.

— О, кавиар! – обрадовался Спенсер.

— Так же рекомендую французский ресторан Цезаря Отона на рю Дерибас!

— Благодарю вас, милорд, – Спенсер изысканно поклонился, поставил пустую чашку на столик. – Вы можете это убраться, Коста.

С радостью исполнил приказание: мне не терпелось увидеть Митьку с товарищами.

Снова собрались в курилке, бочонок с турецким табаком пошел по кругу.

— Ребята, объясните мне, что за строгости с карантином?

— А что ты хотел, капитан? – мое вчерашнее выступление подняло мои акции в глазах моряков до предела. – Знаешь, сколько раз в Одессу завозили чуму и холеру? Народу перемерло – ужас!

— Самое жуткое дело было, когда ханцузы на Рассею поперли. Из Турции наши войска чуму с собой притащили. Из всех казней египетских – та была самая страшная! – добавил седой матрос, который пытался меня подловить в прошлый раз.

— Да что там 12-й год! То старина седая, уж почитай! А три года назад, когда корабли из Царьграда домой вернулись, их на рейде оставили, не пустили в порт. Так один корабль весь и перемер! И ведь никто у турок ни то что умер – не заболел ни один. А домой вернулись – так и отдали богу душу, глядя на берег родной. И батька мой – тоже, – всхлипнул Митька.

Моряки похлопали его по плечу, сочувственно поглядывая.

— Вот и повелел царь-батюшка, – продолжил Митька, смахнув одинокую слезу, – устроить в старой крепости карантин. Там цельный городок. Лазарет, домики, деревья. Хорошее место, не жарко. Посидишь две недели – поймешь.

Я впечатлился не на шутку. Ладно, две недели взаперти. Но болезни, да еще какие! Кто знает, что везут с собой наши соседи по палубе? Чувствовал себя ягненком, которого ведут на закланье, испытывая одновременно страх за сестру с племянником.

Настроение еще больше испортила погода.

Ближе к вечеру качка усилилась. Пароход взлетал на волнах так, что лопасти порой впусую молотили по воздуху. Моряки поставили штормовые паруса.

Дамы из первого класса не выдержали и выбрались наверх. Им стали устраивать постели прямо на палубе. В толпе палубных пассажиров на баке поднялся вой и плач. Кто-то истово молился, сестра не отставала. Матросы носились мимо с озабоченными лицами.

Так и промучились всю ночь.

А на утро выглянуло солнце, разогнав тучи. Волнение улеглось. Пароход уверенно держал курс на север. Незадолго до подачи утреннего чая прошли устье Дуная, потом миновали каменную блямбу на воде – пустынный остров Федониси.

Когда склянки на корабле пробили четыре часа пополудни, впереди по курсу что-то забелело.

— Одесса! – пояснил мне Митька.

Мы стояли на самом носу у ограждения позади бушприта и вглядывались в приближающийся берег. Высокие скалы, увенчанные парадными зданиями, еще не были видны во всех подробностях, но уже накатывало волнение от предстоящей встречи.

— Что за странное облако над городом? – спросил я матроса.

— Так ведь – пыль! – охотно пояснил мне Митька.

— Пыль? – переспросил я удивленно.

— Еще какая! Летит с песков за Привозом и со степи. Ее возчики-чумаки своими обозами поднимают – только держись!

— Чумаки?

— Казаки. Везут зерно с Умани, а потом на Сиваш, за солью.

Эх, Одесса, жемчужина у моря! Ты, оказывается, пыльная красавица!

В порт зашли до вечерних сумерек – в левый, Карантинный, а не в правый, Практический. Встали на рейде.

Тут же подошел веселый баркас, в который загрузилась вся компания Бутенева и Нарышкиной. Белая кость, ей карантин не грозил.

С баркаса на борт поднялся таможенный офицер в кителе темно-зеленого сукна и фуражке. Перед ним построили в ряд вдоль борта всех пассажиров.

— Господа, у кого есть письма – шаг вперед, положить на палубу и вернуться на место! – скомандовал он и продублировал свой приказ на четырех языках.

Пассажиры выполнили требование, на темном дереве палубы забелели прямоугольники писем.

Вперед выступили трое солдат с замотанными лицами. Один подхватывал письма щипцами и засовывал их в горячий железный ящик, который держал на вытянутых руках второй солдат. Третий окуривал их дымом. Тут все было серьезно устроено, без скидок на русский авось.

— Господа! За исключением средств гигиены и книг, которые будут проверены отдельно на предмет разрешения их ввоза на территорию Империи, все остальные свои вещи и багаж вы оставляете на борту. Они будут доставлены в специальное помещение, где будут подвергнуты дезинфекции путем окуривания дымом.

На палубе поднялась суматоха. Таможенник и солдаты терпеливо ждали, пока все соберутся. Далее последовала погрузка на лодки и переезд на берег на тендерах.

Снова плотной группой в сопровождении держащихся на расстоянии солдат мы проследовали в здание в конце пирса. Все перемешались между собой, вся предварительная процедура своим нечеловеческим автоматизмом полностью стерла сословные границы.

Внутри здания мы попали в зал, разделенный легкими перегородками. Там нас поджидали чиновники для проверки документов. Но прежде, чем к ним попасть, нас осмотрел доктор. Он приказал нам расстегнуть пуговицы на рубашках и брюках и хорошенько похлопать ладонями под мышками и в паху.

— Это те места, где впервые проявляются смертельные язвы. Прошу прощения за причиненные неудобства и оскорбление вашей нравственности, но я выполняю свой долг! – пояснил он бесстрастно.

К чиновникам выстроилось несколько очередей. Прием нашей вёл офицер в шикарном мундире, расшитым золотым позументом. Два американца, судя по их произношению, стояли перед нами и не переставали им восхищаться.

— Глубокоуважаемый мистер Стефенс, не кажется ли вам, что офицеру с таким благородным лицом и манерами пристало находиться не здесь, в преддверии Чистилища, а в петербургской гостиной?

— Сам не перестаю удивляться, сэр. Он свободно говорит на том языке, на котором к нему обращается любой пассажир. Весь его вид и образ действий свидетельствуют, что перед нами – человек глубокой культуры и отменный полиглот.

Так и было: офицер свободно заговорил со мной на греческом, чтобы Марии были понятны его вопросы. Он осведомился о цели нашего визита, проверил наши бумаги и сообщил, что мы прибыли во владения его Императорского Величества Николая Первого.

Пока шел пограничный контроль, на улице стемнело. Солдаты, поджидавшие нас, зажгли факелы.

Нас осталось около 30 человек. Мы столпились у выхода из здания, не понимая, чего ожидать далее. К нам верхом на лошади выехал бравый офицер в годах и, не приближаясь к нам, закричал:

— Я – комендант карантинного городка! Карантин – это вынужденная мера, вы не должны себя чувствовать заключенными в тюрьме. Каждому будет предоставлен отдельный домик. Вам дозволено общение друг с другом на прогулочной тропе в сопровождении вашего смотрителя. А сейчас вам следует отправиться в лазарет на более тщательный осмотр.

После этого он минут пять распинался, как он сожалеет, и ускакал. Солдаты махнули рукой, показывая, что нам нужно идти вслед за комендантом.

В свете факелов, окруженные солдатами, мы не спеша побрели к темному зданию, словно толпа овец, сопровождаемая пастушьими собаками. Мне снова и снова приходил на ум образ

агнца на заклании или – я старался гнать эти мысли – депортации евреев во время войны, как ее показывали в фильмах.

Сюрреалистичности и одновременно правдоподобию этому сравнению добавляла группа евреев-паломников. Один из них, выглядевший лидером группы, уселся на дорогу и ни в какую не соглашался двигаться дальше. Поднялся крик, солдаты требовали продолжить наш скорбный марш, пассажиры возмущались, надеясь завершить это безумие, а паломники не знали, что им делать, и метались между нами, не то ругаясь, не то поддерживая своего вождя.

Все закончилось неожиданно: какой-то поляк из числа пассажиров второго класса подскочил к еврею, объявившему итальянскую забастовку, и ударил его сильно по голове. Вздёрнув его на ноги, он погнал его пинками вперед, приговаривая что-то грубое про «проклятых жидов».

Нас завели в лазарет и приказали снять свои вещи. Распоряжался всем старый солдат-кладовщик, стараясь даже не дышать в нашу сторону.

—Их подвергнут дезинфекции в парах серной кислоты в течение 24-х часов, – объявил нам кладовщик абсолютно бесцветным голосом, выдав каждому фланелевый халат, панталоны и чулки.

Пришлось переодеваться прямо в толпе.

Из двери выглянул новый врач и, не отрывая руки от дверной ручки, что-то быстро спросил. Исчез он так же неожиданно, как появился. Это называется «более тщательный осмотр»?

Все недоуменно переглянулись. Кто-то принялся его тщетно звать обратно. Одна женщина истерически рыдала после того, как ее заставили переодеваться в присутствии мужчин. Марию эта унижительная процедура не задела: нам со Спенсером удалось прикрыть ее своими телами. Янис весело хохотал, глядя на этот дурдом. Эдмонд находил все происходящее занимательным, но выглядел растеряно.

Наконец, в комнате появились два чиновника в мундирах, которые долго перед нами извинялись и успокаивали, добившись этим прямо противоположного эффекта. Люди в халатах зароптали и категорически отказались выдвигаться к домикам, предназначенным для проживания.

Наверное, так выглядит приемная психбольницы – те же фланелевые халаты, включенные волосы, безумные взгляды и бессвязная речь.

— Бедлам, – резюмировал Спенсер: похоже, ему пришли в голову те же мысли, что и мне.

Я решительно двинулся к выходу, увлекая своих за собой. Эдмонд решил, что я знаю, что делаю, и зашагал следом.

В итоге, мы первыми выбрали каменные домики для проживания – и рядом, и с видом на море. Участки делили подстриженные кусты акации. Внутри каждого «бунгало» обнаружилась приличная постель, на которую я рухнул без задних ног. Прежде чем отключиться, вспомнил свои недельной давности рассуждения про отель, который не выбирают.

На утро обнаружилось, что ночные страхи оказались сильно преувеличенными.

Карантинный, почти курортный, городок выглядел мило. Все было засажено деревьями, дарившими приятную прохладу, вдоль моря шла прогулочная тропа, а на задворках нашлись скрытые наполовину бастионы старой крепости. От Одессы нас отделяла высокая скала, у подножия которой мы оказались. В общем, ни дать, ни взять – пансионат или санаторий.

Спенсер уверил меня, что нисколько не тяготится нашим положением. Во-первых, его заранее предупредили, и лишь сама процедура помещения в карантин его несколько вывела из себя. Во-вторых, он подготовился к двухнедельному ожиданию и запаса «Географией» Страбона, фундаментальным трудом Клапрота, о котором я знал не понаслышке, и «Путешествиями» Палласа, о которых я и слыхом не слыхивал. В-третьих, он рассчитывал привести в порядок свои записи.

Его оптимизм и трудовой настрой меня вдохновили. Я решил посвятить время пребывания в карантине обучению Марии и Яниса русскому языку.

Вышли на прогулку. Нас сопровождал наш смотритель, старый отставной солдат.

Звали его Никифор. С первого же дня знакомства я прозвал его "Кузьмичом". Уж больно он напоминал своими повадками, а особенно, вдруг ни с того ни с сего возникавшей у него задумчивостью, знаменитого персонажа "Особенностей национальной охоты".

Есть у русского человека эта потребность – посреди какого-нибудь пустячного дела вдруг задуматься о бесконечности мироздания и вытекающей из неё тщете всего сущего. Я не мог сдержать улыбки, когда замечал такую его особенность. Например, между двумя подходами к столу, когда он подавал еду. Поставит первую тарелку перед Янисом, весь светится, не преминет Яниса потрепать по макушке. Идет за второй и возвращается уже с такой печалью на лице, что начинаешь поневоле оглядываться в поисках кого-либо или незамеченного тобой какого-то обстоятельства, которое могло так поменять душевное состояние человека.

К таким его переменам настроения мы привыкли почти сразу. И не обращали внимания. Потому что все остальные его достоинства были настолько хороши, что мы были благодарны судьбе за то, что «Кузьмич» был к нам приставлен. Он был вежлив, но не лебезил. Он был ловок и лихо управлялся со всем, что попадало ему в руки: будь то тяжелый топор, например, или хрупкая чашка. Подозреваю, что и с оружием он управлялся так же лихо и солдатом, судя по всему, был хорошим. Он слегка, но заметно прихрамывал.

Я не спрашивал его о причине хромоты. Решил про себя, что раз он был хорошим солдатом, то за спинами не прятался, в атаку ходил бесстрашно. Так и словил пулю. Кстати, с этим своим физическим недостатком он также справлялся с легкостью, никогда не сетовал и не жаловался на несправедливую к нему судьбу. А я понимал, что никому не следовало полагать, что раз «Кузьмич» хромот, то от него можно легко ускользнуть. Я был уверен, что от «Кузьмича» не убежишь.

Мы, в общем-то, и не пытались. «Кузьмич» понимал, что опасности мы для него не представляли. И на прогулках совсем не мешал нам. Наоборот, всегда занимался с Янисом. Может, потому что у Кузьмича не было своей семьи и детей. Может, и была раньше, но случилось что-то такое, что и служило причиной быстрой смены его настроения. Я не лез и не спрашивал. Как-то было понятно, что не нужно об этом интересоваться у «Кузьмича».

Вот и сейчас, выйдя с нами, он тут же ушел с Янисом вперед. Держал его за руку, показывал на все, что можно охватить глазом, от песчинки под ногами до облаков на небе, и учил племянника русскому языку.

Мы неторопливо шли следом. Молчали. Изредка я косился на сестру. По правде, меня беспокоило её состояние. И хотя прямо сейчас она с улыбкой смотрела на сына, который старательно повторял за Кузьмичом простые слова, было заметно, что она не в своей тарелке.

— Потерпи чуть-чуть, сестра, – попытался её успокоить, – скоро нас выпустят.

— Коста! – сестра усмехнулась. – Неужели ты думаешь, что меня так тяготит наше нынешнее положение?!

— Честно говоря, да. Я так и думал.

— Может быть, для тебя это и выглядит, как тюрьма... Но для меня... – сестра задумалась. – Я с того момента, как меня вырвали из отчего дома, не чувствовала себя такой свободной. Все время по «тюрьмам». Да, они были разные: были страшные, были наподобие золотой клетки. Но все равно – тюрьмы. А здесь... Я хожу с открытым лицом и не боюсь, что меня побьют палками за лишний взгляд или слово. Честно говоря, платье неудобное. Но и к этому я привыкну. А главное, что Янис уже не будет мусульманином. Мы же его окрестим?

— Конечно, сестра. Так быстро, как сможем.

Мария улыбнулась, перевела взгляд на сына.

— Тогда что же тебя так беспокоит? – продолжил я допытываться.

— Просто... – сестра пожала плечами.

— Все такое непривычное? – подсказал ей версию.

— Да! – сестра с радостью и благодарностью ухватила за «спасательный круг».

— Ничего! Ты девушка крепкая! – я обнял Марию, поцеловал её в макушку. – Ты привыкнешь, справишься!

Сестра крепко прижалась ко мне, спрятав свое лицо на моей груди.

«Не хочет показать, что плачет».

Я не сомневался, что вовсе не новизна положения тяготит её. Мария понимала, что поступила правильно. Но до неё стало доходить, что она лишилась мужа, которого, как сейчас ей стало совершенно очевидно, все-таки любила. Но более всего её расстраивало то, что она своим решением лишила сына отца.

Как бы она не старалась улыбаться и демонстрировать мне, что все хорошо, я знал, что все было не так хорошо. Я слышал, как Янис каждый день пытается её вопросами об отце: когда, когда, когда? Мария в этот момент могла только обнять сына и врать ему, что Умут-ага скоро к ним присоединится.

И я уже понимал со всей очевидностью, что мы оба не сможем заменить Янису отца. Я никак не мог дать ему столько любви, как бы ни старался, да и не успею. И сестра, которая изо всех сил пыталась сейчас заткнуть возникшую пробоину, тоже не справлялась с непрерывным потоком вопросов сына и с его тоской по человеку, который относился к нему, как к божеству. Настолько сильна была любовь Умут-аги к своему первенцу. А мы лишили Яниса этой любви.

Я продолжал обнимать сестру. Взглянул поверх её головы на племянника.

«Поэтому Янис так прикипел к «Кузьмичу», – думал я, наблюдая за ними. – Он получает от доброго солдата сейчас так необходимую ему дозу ежесекундного обожания, которую имел от отца в избытке».

Янис в этот момент забирал протянутый ему «Кузьмичом» камень.

— Камень! – медленно проговорил «Кузьмич».

— Камень! – старательно повторил Янис.

«Камень, ножницы, бумага!» – мелькнуло у меня в голове...

В наш распорядок дня включили регулярные посещения лазарета. Странно встретивший нас в первую ночь доктор полностью переменился. Осмотры были поверхностны, врач – весел, любезен и ненавязчив.

Но на десятый день его словно подменили. Он встретил меня хмуро и, ничего не объясняя, лишь процедил:

— Вас ожидают. Пройдите в процедурный кабинет.

Сердце сжалось в тревоге. Что случилось? Неужели, меня оставят в лазарете?

Мне указали на дверь.

Глава 3. Тайная вылазка.

В серой унылой комнатке меня поджидал невзрачный – под стать лазарету – офицер с усталым лицом, с покрасневшими от бессонной ночи глазами и в мундире, присыпанном белой пылью.

— Константин Спиридонович? – приветствовал меня таможенник, судя по его знакам различия.

Я растерялся, удивленно на него взглянул – так меня еще никто не называл за время пребывания Костой Варвакисом.

Он рассмеялся, видя мое недоумение:

— Привыкайте, вы в Российской Империи! Промеж своих мы общаемся по имени-отчеству.

Я уже начал догадываться, что означает эта сцена. Офицер рассеял последние сомнения.

— Я получил письмо от Фонтон. Тысячу извинений за задержку, но сами понимаете... Дипломатическая почта... пока ее разберут в экспедиции... пока мне переправят... Секретность опять-таки...

Я выдохнул и, не спрашивая разрешения, уселся на стул напротив офицера.

— Я не представился, – еще раз извинился мой собеседник, не обратив внимания на мою бестактность. – Николай Евстафьевич Проскурин, штабс-капитан по ведомству таможенно-карантинной службы.

— Мне говорили, что будет офицер из морского штаба.

— Ну, пардону в таком случае прошу! Служил-с в пехоте, в море исключительно ноги мочил, за контрабандистами гоняясь. Впрочем, вопрос ваш разумен. Я бы и сам затосковал, случись такая оказия. Но есть способ с ней разобраться. Вот вам письмо Феликса Петровича. Читать не дам, но показать – покажу.

Проскурин сунул руку за обшлаг мундира и вытащил конверт со сломанными сургучными печатями. Извлек листок бумаги, повертел перед моими глазами, ткнув пальцем в подпись.

— Пишет мне тут Фонтон, что вы человек сообразительный и прочие комплименты. Да я и сам вижу: выдержки вам не занимать. Ну, стало быть, политесы разводить не стану, объясню все чин по чину. Спенсеру решено препятствий не чинить, извиняюсь за каламбур. Пусть развлекается в Одессе. Город у нас – веселый.

— Никакого наблюдения? – искренне удивился я.

— В Одессе-то? Тут не Константинополь, где любой иностранец – как бельмо на глазу. Тут скорее русский человек в толпе будет выделяться. Вам еще предстоит все это своими глазами увидеть. Какой смысл его настораживать плотной опекой? Какие секреты ему откроются? Шпионскую сеть создаст? Так ее и создавать нет нужды – любой свободно заезжает. Твори, что душа пожелает.

— Я бы не сказал, что свободно...

— Ну, карантин. Ну, посидите две недели... Осталось – всего ничего. В общем, решено так: ваша задача – укрепить доверие, чтобы дальнейший вояж данного господина не обошелся без вашего участия. Если возникнет нужда связаться со мной или моими коллегами в будущем, называйте его в записках «Бююк».

— Почему «Бююк»? То есть «большой»?

— Почем я знаю? Так Фонтон предложил.

— Наверное, придумал такое имечко, потому что со Спенсером я встретился впервые в Бююкдере.

— Мне знать подобное неместно, приказ есть приказ, – штабс-капитан развел руками. Мол, люди мы маленькие: что начальство придумало, нам и выполнять.

Что приказано? Кем приказано? Ну-ну. Так уж ты крепок, штабс-капитан? А если так?

— Отчего вы такой запыленный, Ваше благородие? Нас встречал на границе офицер – всем офицерам офицер, мундир – как с картинки, – задал я заинтересовавший меня вопрос. Да и обстановка располагала к легкому троллингу. Свалился на меня пыльный мешок – и команды раздает. Есть над чем задуматься.

— Это вы никак про нашего «павлина»? При случае расскажу, что за гусь лапчатый. А мне делом приходится заниматься. Полночи за контрабандистами гонялся, весь извазюкался. Давайте начистоту, Константин Спиридонович. Вижу в вас недоверие к моей персоне. Вы мне не подчиненный, я вам не начальник. Передал, что поручено.

Штабс-капитан встал из-за стола, одёрнул в углу занавеску и извлёк на свет божий пузатую бутылку, два стакана и яблоко, которое он быстро разделил на дольки.

— Санторинское! – похвастался он, разливая вино по стаканам.

— Богато живёте! – отозвался я, вдыхая позабытый сладкий запах.

— Так ведь – Одесса!

Я отметил про себя, что любое выдающееся явление – от пыли до эксклюзивного вина – одесситы воспринимают, как нечто само собой разумеющееся и имеющее самое простое объяснение коротким словом «так». Забалованные в конец, ребята! Или привыкшие к чудесам? В Стамбуле я слышал от Цикалиоти, что в Вене издается газета на греческом для одесситов, в которой их город описывается исключительно как рай на земле. Сидя в карантине, сложно думать о реках из молока и меда, текущих по здешним улицам.

Мы «вздрогнули», похрустели яблочком, глаза у обоих потеплели.

— Прекращайте дуться, Константин Спиридонович! – сказал офицер, разливая остатки вина по стаканам.

Я обратил внимание, что его обращение по имени-отчеству режет мне слух.

— Называйте меня, Костой, ваше благородие!

— Вот это по-нашему! – хлопнул себя по коленке офицер. – Будь мы в армии – другое дело! А промеж своих, чего чиниться!

Видимо, тема «промеж своих» штабс-капитана задевала не на шутку, коль скоро он ее второй раз уже поднимает.

— Ты, Коста, не вздумай меня аристократом каким считать. Выслужил звания свои. Из унтеров в офицеры поднялся. И человеческое отношение – ценю! Выпьем!

Мы допили остатки санторинского. Сладкое вино хорошо вдарило по мозгам.

— Николай Ефстафьевич, не в службу, а в дружбу: мне бы в город вперед Спенсера попасть. Оглядеться, осмотреться, понять, что почем...

Офицер расхохотался так, что щеки налились краснотой.

— Нешто засиделся в городке? На волю потянуло? Одесситок – на штык!

Я с укоризной откинулся на стуле, выражая всем своим видом полное несогласие со столь вольным прочтением своих намерений.

— Пардон, пардон... Вырвалась двусмысленность. Армейские повадки, сам понимаешь! Тебе же четыре дня всего осталось под замком сидеть. А, впрочем, есть резон в твоих словах. Сам ты – не местный, будешь, как и твой подопечный, как теленок в вымя мордой тыкаться, в городе оказавшись. Осмотреться, говоришь?

— Оглядеться, понять, что – куда...

— Вряд ли, ты что-то сообразишь за одну вылазку, – задумчиво произнес Проскурин, постукивая пальцем по пустому стакану. — Вопрос на самом деле серьезный! Вот отпущу я тебя, а Спенсер задумается: за что ж рабу божьему, Косте, такие привилегии?

Я набычился. Хорошо ведь сидели!

Стены в конюшне у Джузеппино, плавание на корабле, скованного перилами палубы, четыре опостылевшие стены карантинного домика из ракушечника – все это настолько мне обрыдло после полной приключений стамбульской эпопеи, что я был готов на все, чтобы убедить штабс-капитана выпустить меня на свободу. Хоть на денек! Хоть на несколько часов! Ведь где-то там, наверху, люди идут по своим делам, не спрашивая разрешения. Оттуда доносятся звуки оркестра, ветер приносит радостные крики даже в полночь, когда оранжевая одесская луна выстилает мне свою дорожку, словно приглашая сбежать ото всех в понтийские воды...

Встряхнул головой, прогоняя морок. Поднял полные тоски глаза на офицера.

— Эко, брат, тебя разобрало! – мигом считал он мое состояние. – Как сказала одна умная русская голова: избыточная строгость законов Российской империи искупается необязательностью их исполнения! Помогу я твоей беде. Вот прямо завтра и помогу! Найдешь, что Спенсеру сказать?

Совместное распитие – святая процедура: градус доверия повышает моментально.

— Не вопрос! – ответил ему уверенно.

«Таможня» терзать мой разум возмущенный не стала. Чутко и профессионально уловила мой настрой. И быстренько выдала весь расклад.

Все оказалось намного проще, чем я себе вообразил. Достаточно было скинуть опостылевший «санаторный» наряд и покинуть незамеченным территорию городка – и ты уже условно свободен. Впрочем, во избежание последствий, требовалось вернуться до темноты и на следующий день пройти традиционный осмотр в лазарете.

Понесся вприпрыжку к нашим «бунгалю», напевая про себя «А я сяду в кабриолет и уеду куда-нибудь...».

Мой выхлоп на Спенсера произвел впечатление. Еще большее – мой рассказ.

— Вам, мистер Эдмонд, стоит запомнить два русских выражения, обязательных к употреблению. «*na vodka*» и «*dai na vodka*». Первым вы благодарите любого за оказанную услугу, подкрепляя свои слова звонкой монетой. Второе слышите, когда вам эту услугу кто-то оказал. Примерно так же, как в Стамбуле местные просят бакшиш.

Санторинское во мне еще играло, подсказав злую шутку. Решил, было, не объяснять Спенсеру область применения «*на водку*». Представил, как он отблагодарит губернатора или графа Воронцова таким макаром. Расхохотался. И честно все растолковал.

— Ну, что вы, Коста! Я не настолько глуп, чтобы не сообразить подобной тонкости. Обязательно дам на водку Никифору. И, смотрю, вас самого кто-то успел порадовать. Интересные в карантинном лазарете порядки. Что за услугу вы могли там оказать? И главное – кому?

— А я, дорогой мой сэр, собрался в город на тайную вылазку. Надоело в четырех стенах сидеть. С солдатами договорился, что нам здесь прислуживают. Дал им водки – все порешали. Завтра одежду мне мою отдадут – и гуляй на все четыре стороны. К вечеру вернусь и обратно в халат наряжусь.

— Где же вы водку раздобыли?

— У них же и купил! С ними и выпил.

Мы засмеялись.

— Россия – это страна аномалий!

— Так ведь – водка! – ввернул я понравившееся местное объяснение всему на свете.

Утром прибыл в лазарет в компании «Кузьмича». Он, ни слова не говоря, выдал мой наряд. Я переоделся.

Проскурин меня уже поджидал. Мы дошли с ним до Таможенной площади, уселись в конный экипаж – дрожки, как пояснил офицер.

— Видишь овраг с подъемом в гору? – я кивнул. – Это Карантинная балка. По ней вернешься обратно. Найдешь Куликово поле, там она свое начало берет. И спускайся осторожно,

не то ноги переломаешь. А мы сейчас до Практической гавани доедем и по Военному спуску выберемся в город. Тебе куда надо?

— Хотел сперва в отеле «Ришелье» про номер для Спенсера узнать. Он просил.

— Ну, тогда нам – на Дерибасовскую, – заключил Проскурин и толкнул извозчика. – Трогай!

Мы помчались по каменным плитам из вулканической лавы. Море – справа. Высокий обрыв – слева. Ни намека на знаменитую Потемкинскую лестницу. Лишь кто-то копошился на склоне, торчали какие-то балки и груды земли.

В одуряющем аромате отцветавшей сирени поднялись в город по спуску, как на корабле «вниз на верхнюю палубу» – та же нелепица, если подумать.

Город поразил.

После Стамбула с его кривоколенными переулками Одесса встретила нас прямыми широкими проспектами с измученными жарой акациями, припорошенными белой пылью, бесчисленными колоннами, яркими вывесками, сверкающими витринами, мостовой из плитняка и земляными дренажными канавами, в которых попадались спящие нищие. Но приличной публики было куда больше. Дамы под зонтиками, гречанки в черном, бабы в платках и элегантные военные в треуголках, гордо шествующие в толпе смолящих сигары гражданских, наряженных кто во что горазд.

Мне невольно вспомнился мой первый день в Стамбуле, когда я бежал через толпу, как мне казалось, ряженных. Здесь я тоже будто участвовал в съемках какого-то исторического фильма. Вот только сценарий его мне был куда более по сердцу.

Остановились на углу Дерибасовской и Ришельевской. Распрощались.

Зашел в гостиницу – снова сражен наповал. Мрамор, колонны, позолота, великолепная деревянная отделка. Все – как в лучших домах Парижа и Лондона. И сервис на высоте: номер Спенсеру забронирован, его ждут.

Остановился у входа, морщась от грохота экипажей по мостовой, визга несмазанных колес под пирамидальными арбами и скрипа подвод, запряженных быками. Немного расспросил швейцара, куда податься греку-туристу.

Он оказался из наших и – благородная душа – решил меня предупредить:

— Имей в виду, брат: в номерах постелей нет, только сами кровати.

— Это как же?!

— Принято здесь так. Баре со своими постелями прибывают. А иностранцам такое в диковинку. Вот они и ночуют в день заезда на голых кроватных решетках, – он громко расхохотался, утирая слезы.

Ну и дела! Надо Спенсера предупредить. Бегать сейчас в поисках одеял с подушками не буду. И денег мне Эдмонд на такое не выделил, и деть будет некуда. Но магазин с подобным товаром приглядеть не мешает.

Двинулся по Дерибасовской. А там ... Магазины, магазины, магазины... С модной мужской одеждой, с дамскими нарядами, с галантерейным товаром, с мануфактурой, с зонтиками, шляпные, обувные, сигарные... От вывесок с иностранными именами рябило в глазах: мадам Шурац, месье Леонард, Томазини, Трините – одни итальянцы да французы. Нужно сюда затащить Марию душу отвести. Мигом настроение поднимется.

Еще клак этот дурацкий! Я заметил, что народ вокруг не особо обращает внимание на наряды окружающей публики. Атмосфера вполне демократичная, тут все пришельцы. Но мне эта подаренная Фонтоном шляпа не нравилась категорически.

В общем, решено: Марии – платья, белье и обувь, мне – боливар, как на рисунках Пушкина. Может, он его в этих магазинах и купил? Не так давно он тут, вроде, был – лет десять назад.

Вдруг я застыл.

Запах! Боже, какой чарующий и знакомый запах! Так пахнет только Средиземноморье! Так пахнет южное лето и бессмертие! Миллионы оранжевых солнц Греции, великие в своей простоте апельсины – это их дивный аромат заставил меня застыть на месте!

Я побрел на этот запах, как крысы за дудочкой крысолова, не обращая более внимания ни на что вокруг. И вскоре нашел его источник – длинную улицу с раскрытыми настежь погребами магазинов колониальных товаров.

Греческая улица! Я нашел свое сердце в Одессе!

Что только не предлагали местные магазины! Оливковое масло, фаршированные маслины, макароны, итальянские колбасы, соленую лакедру и анчоусы в маленьких бочонках, экзотические фрукты в окружении пирамид из апельсинов и лимонов, желтые сахарные головы, перевязанные голубой бумагой, сицилийский шоколад из Модики и, конечно, сотни бутылок и бочек вина... Все дары Европы и заморских колоний свозились сюда!

Улица пестрела вывесками не только магазинов, но и торговых домов. «Братья Родока-наки», «К. Попудов», Инглеси, Петрокинос, Марозли, Мавро – одни греческие имена, среди которых, не понятно каким образом, затесалась американская фамилия Ралли.

Еще больше было вывесок винных погребов – «Cantina con diversi vint». Из мрачного входа, ведущего под землю, раздавались веселые крики, и терпко пахло винными парами.

Я сглотнул слюну. Как же я соскучился по спагетти болоньезе и глотку доброго Кьянти!

Снова запах! На этот раз из переулка меня манили ароматы жарящегося на углях барашка.

Ноги сами потащили меня от винного погребка в маленькие тесные дворики, увитые плющом, где вокруг столиков сидели посетители за жаркими спорами и дымящимся густым кофе.

Настоящая греческая таверна! Шум, крики, звон бокалов, родная речь – как мне все это знакомо!

Я уселся за свободный столик, огляделся с удовольствием.

Посреди двора – маленькая мраморная цистерна с зеленеющей водой. Над головой нависали наружные деревянные галереи в уровень с крышей и отдельные балконы. В противоположном от входа углу была устроена открытая печь, где на вертеле крутили тушу поросенка.

Прислушался.

По соседству шел эмоциональный спор, но не о политике, как принято среди завсегдатаев кофеен, – о более деликатном предмете.

— Я вам сто раз уже сказал, – горячился какой-то старичок, крепко сжимая узловатыми пальцами внушительную трость. – Погромами мы наелись еще там, в Фанари. Так зачем же нужно тащить сюда этот дикий обычай? В Константинополе турки громили наши дома, здесь мы решили последовать их примеру. То, от чего бежали, хотим высадить, как ядовитый анчар, на местной каменистой почве?

— Господин Севастопуло, но евреи сами были тогда виноваты в своих бедах. Ведь на них тогда набросились после того, как они не сняли свои дурацкие шапки, когда шла похоронная процессия с телом патриарха! – эмоционально вскричал его оппонент, дородный грек в цветастом жилете.

Я догадался, что обсуждают события 1821-го года, о которых упоминал Цикалиоти.

— Вы еще нам расскажите гнусную легенду, что евреи Константинополя выкупили тело нашего мученика Георгия, привязали к ногам камни и выбросили в море. Как, интересно, тогда оно могло оказаться на корабле, который его привез в Одессу?

— Что это вы евреев защищаете? – вступил в разговор третий участник спора.

— Никого я не защищаю!

— Защищаете! – воскликнул «жилет».

— Мне дела нет до евреев! Они здесь никто! Жалкие торговцы-разносчики лимонов на Старом базаре!

Тут я еле сдержался, чтобы не рассмеяться.

Вот бы он удивился... Да что он? Все они ошалели бы, подойди я к ним сейчас и Расскажи, что те, кого они сейчас считают никем, с годами – станут всем. Что наступят такие времена, когда Одессу все будут воспринимать в первую очередь, как еврейский город. А, впрочем, не поверят. В лучшем случае, покрутят пальцами у виска, в худшем – отправят в дурку. Если таковая здесь есть, конечно.

Между тем оратор продолжал свою наполненную страстью речь:

— Просто я не хочу, чтобы в нашем славном новом доме завелась старая плесень. Нечему нам у турок учиться! Ни погромам, ни чему было еще! Даже про фески следует забыть, как господину за соседним столом, – он кивнул в мою сторону.

Вот, что вы к клаку этому прикопались и фески ругаете? Мне моя боснийская фесочка куда более к лицу и удобна. Решено: к черту клак!

— И что тебя так развеселило, красавчик? – раздался сбоку звонкий насмешливый девичий голос.

Глава 4. Адаша и позорные столбы.

Как и подавляющее большинство людей в такой ситуации, я вздрогнул от неожиданности. Улыбка тут же сошла с моего лица. Я обернулся к обладательнице насмешливого голоса.

Даже сидя, я практически был вровень с девушкой, которая незаметно подошла сбоку, и теперь, не стесняясь, не скрывая ни озорной улыбки, ни своего любопытства, внимательно рассматривала меня с ног до головы.

— Напугала? – спросила, продолжая веселиться.

«Экая дерзкая!» — подумал я.

— Напугала! – признался я, улыбнувшись.

— Не бойся, я не страшная! – усмехнулась девица.

«А это уже становится все интересней и занимательней!»

Моё тут же проснувшееся любопытство по отношению к девице после её очередного заявления, можно было понять. Дело в том, что она хоть и не была страшной, но уж точно любой человек, её увидевший и разглядевший – и не важно, был бы это мужчина или женщина, – не сговариваясь, единогласно определили бы её «некрасивой». И если девушка позволяет себе говорить о себе так, то она отдает себе отчет в том, что некрасива. Это, во-первых. А, во-вторых, понимая свою неприглядность, она не стыдится её: ну, уродилась такой – что поделаешь, приняла и живу дальше.

— Смотри-ка, опять улыбаешься! – девушка увидела вновь родившуюся мою улыбку, следствие моих мыслей. – Развеселила?

— Ты дашь мне опомниться? – взмолился я.

— Да.

Неожиданно она покорно вздохнула, опустила голову и уже всей позой изображала эту самую покорность. Изображала чуть более секунды. Опять напугала, резко вскинув голову.

— Опомнись?

Здесь уже удержаться не было сил: я рассмеялся. Девушка довольная и своим представлением, и моей реакцией, тоже начала смеяться.

— Я – Адония! – представилась, когда мы отсмеялись.

— Коста!

— И откуда ты к нам явился, красивый такой?

— А с чего ты взяла, что я откуда-то явился? За всю Одессу знаешь?

— За всю, не всю... – Адония не среагировала на речевую нелепость, от которой я не удержался, – но бесплатно тебя накормлю, если выяснится, что ты местный и здесь давно. Так что? Я проиграла обед?

— Нет! – я поднял обе руки. – Так заметно, что я новенький в этом городе?

— Мне, да! – улыбнулась Адония.

— Ну, значит, придется заплатить за обед! – притворно вздохнул я.

— Что хочешь? – и, не давая мне опомниться, Адония затараторила. – Баранина, тушеная в вине, поросенок с вертела, меланжаны по-гречески...

— Можно – мусаку?

Не думал, что, попросив самое обыденное для греков блюдо, я в первый раз перетащу маленькую чертовку на свою территорию, где она растеряется.

— Мусаку? – переспросила.

— Ну, да, мусаку... – повторил я как нечто само собой разумеющееся.

— Это что за...?

— Ты не знаешь?! – упивался я её растерянностью

— Нет, – признала она своё поражение.

— Нууу... – только она собралась тряхнуть челкой, я поцокал языком, выражая недоумение гастрономической безграмотности. – Это такая запеканка с баклажанами, мясом и помидорами.

— А! – тут же обрадовалась Адония, даже выдохнула с облегчением. – Помидоры!

Она так произнесла «помидоры», будто речь шла о корне женьшеня, килограмм которого я потребовал порубать себе в салат.

— Что помидоры?!

— Здесь о них лучше старайся меньше думать.

— Это еще почему?

— Вот, видишь, – Адония была рада, что вернула прежнюю расстановку сил в нашем диалоге, – поэтому ты и новичок, что не знаешь, что здесь у нас помидоры – большая редкость. Их маленькими партиями везут из Италии. И, поверь, не для того, чтобы ты извел их на свою запеканку!

В конце не удержалась, фыркнула. Я замялся.

— Так что... — тут она сделала паузу, и я внутренне был готов, что услышу сейчас привычное современному уху «не выпендривайся», – спрашиваю еще раз: баранина или свинина?

— Я доверюсь твоему вкусу! – склонил голову, отсекая все споры.

Адония оценила мою покорность и, в большей степени, полагаю, выказанную ей высокую оценку её женской сущности. Не удержалась, чуть залилась краской, быстро развернулась, заскакала между столиками.

Как бы я ни хотел придумать какое-то определение для неё, сейчас изящно обходившей препятствия в виде столов, стульев, посетителей, все равно, ничего, кроме «горной козочки», в голову не пришло. Штампы, штампы... С другой стороны, штампами стали, потому что проверены веками. Чего уж выпендриваться и придумывать что-либо другое?! Козочка по внешнему виду – маленькая, легкая, прыгучая... И по характеру – веселая, озорная. Только сейчас я заметил, что Адония была еще и босиком. Тут уж вопрос закрылся окончательно: козочка и есть!

Вернулась быстро. Поставила на стол тарелку с маслинами. Потом – кувшин.

— Фанагорийское вино! – пояснила. – Будешь доволен. Барашек скоро будет готов.

Я поблагодарил улыбкой. Адония развернулась, готова было «поскакать» дальше по делам.

— Адаша! – позвал я её.

— Да! – обернулась сразу.

— Хотел...

— Что-нибудь еще?

Еще и нетерпеливая!

— Нет. Этого хватит, – успокоил я её. – Может, выпьешь со мной? Мне будет приятно.

— Просто один пить не хочешь, так и скажи! – рассмеялась Адония.

— Да, один не хочу, – я не стал отпираться. – Но мне будет приятно, если ты выпьешь со мной. Может, и тебе будет весело. Я тебя, видишь, как веселю, Адаша!

Адония, сверкая глазами, поизучала меня, подозревая лукавство. Я выдержал этот полиграф.

— Ну, хорошо! Так и быть! Нарушу свои правила. Сейчас только кружку себе принесу. Себе, Адаше, – приснула, не удержавшись.

...Я разлил вино. Чокнулись.

— Спасибо за компанию! – поблагодарил. – Будь здорова!

Адония просто кивнула. Я пригубил вино, сделал первый глоток. Хм... недурно! Выпил до дна.

— Я же говорила: будешь доволен! — Адония-Адаша оценила мой «глоток».

— Да! Отличное вино!

Я взял маслину. Посмотрел на шалунью, в глазах которой плясали чертики.

— Что?!

— Шляпа у тебя такая смешная! Ты в ней на соседского кучера похож!

«Да... пиять! — как бы выразился мой тбилисский одноклассник Рауф Адгезалов. — Далась вам всем эта шляпа!»

Но внешне сдержался. Выступил эффектнее: глядя ей в глаза, не переставая глотать маслину, снял, честно признаться, изрядно и мне обрыдший клак и, не поворачивая головы, отшвырнул его далеко в сторону, в переулок.

Но как он полетел!

Она оценила! Что она? Соседний столик, который при моем появлении так же упомянул мой уже бывший головной убор, снова ожил, зашумел. Я перевел взгляд на них.

— Феска – рулит! – пригвоздил их и взглядом, и непонятым сочетанием знакомых слов.

— И апельсины! – добавила непонятое смешливая девица.

Соседи, теребя жилеты, перестали бурчать, пытаюсь осмыслить и увиденное, и услышанное. Я вернулся опять к своей «козочке».

Адония прыснула, чуть отворачиваясь, чтобы уж совсем не оскорбить соседний стол.

— Так лучше? – спросил, забирая из тарелки еще одну маслину.

Она, все еще давясь смехом, быстро закивала. Пользуясь паузой, я снова налил себе вина.

— С тобой, действительно, весело! – призналась Адония, когда справилась со смехом.

— Фирма веников не вяжет! – я пошел вразнос.

Теперь пришла очередь Адонии удивляться непонятному смыслу вроде бы знакомых слов. Я не дал ей возможности слишком уж углубляться в семантику моей фразы и просто подмигнул, широко улыбнувшись. Адонию такой поворот устроил. Фразу оценивать она не стала, а на мое залихватское подмигивание опять ответила своим звонким смехом.

Я ждал, пока она успокоится, и думал о том, что она, в общем-то, молодчина! Наверняка, понимала, как некрасива. Наверняка понимала, что ей совсем не светит романтичная дорожка, на которой стоят воздыхающие по ней выюноши, жаждущие её взглядов, поцелуев, любви... Другая бы – топиться пошла. А она все это с лихвой компенсировала своей живостью, легкостью, веселым нравом. И, если кто-нибудь когда-нибудь это поймет, то будет вознагражден женой – пусть и некрасивой, но с которой ни секунды не будет скучно.

— Сбегаю за барашком! – Адония отсмеялась в очередной раз и начала боком подниматься из-за стола, наивно пытаясь изобразить бедрами нечто завлекательное.

«О, женщины! – только и пришло в голову. – Ничто вас не изменит, и нет на вас управы!»

Вслух же произнес:

— Заслужил?

— И не только барашка! – уже кокетничала моя «козочка» и ускакала за моим горячем.

... Барашек был восхитителен, чего я, признаться, не ожидал. Адония с гордостью смотрела на меня, радуясь моей оценке. И не мешала, понимая, что мне сейчас трудно разговаривать, настолько я был увлечен едой. Но было видно, как её распирает любопытство. И стоило мне только на мгновение оторваться от еды, чтобы подлить себе и ей вина, она не удержалась.

— Ну, расскажи, какими судьбами ты здесь? И надолго ли?

Подозреваю, что ответа на второй вопрос она ожидала с бОльшим нетерпением.

Я не стал вдаваться в подробности. Ответил коротко, указывая на основные обстоятельства. В тот момент, когда я начал сетовать на судьбу, рассказывая о трудностях с жильем в Одессе, Адония на глазах начала загораться и уже с трудом сдерживалась, чтобы дослушать меня до конца.

«Что это она так радуется моим проблемам?» – недоумевал я.

— Так что, пока ума не приложу, куда мне девать сестру с ребенком? – закончил я свой рассказ на жалобной ноте.

Была бы Адония чуть более опытна в женской науке, конечно, выдержала бы должную паузу, изобразила бы полную свою незаинтересованность, а не только лишь желание прийти на помощь человеку в сложной ситуации. А так, едва дождавшись финала моего монолога, она выпалила:

— Я могу помочь! – и тут же покраснела, понимая, что выдала себя.

— Как?! – я изобразил только большое удивление и нечаянную радость, успокаивая Адонию, теперь уверенную в том, что я не раскусил первопричины её помощи.

— Отец и братья через два дня уплывают за апельсинами в Смирну. На все лето. У нас освобождаются две комнаты. Полтора рубля в сутки без обеда, – Адония уже взяла себя в руки, говорила сухо, по-деловому.

— Так ты становишься полноценной хозяйкой на все лето?! – выразил я свой восторг.

— Да! – Адония гордилась собой. – Ну, что, годится тебе такое предложение?

— Адония! – я сложил руки в молитвенном жесте. – Тебя мне сам Господь послал! Что ты спрашиваешь?! Конечно, годится! Я просто в себя не могу прийти от счастья!

Тут я не кривил душой нисколько. Как можно кривить, когда такая гора – с плеч!

— Да, тебе повезло! – Адония приняла моё восхищение. – Тогда, третьего дня в полдень, можете заселиться. Запомни адрес – Красный переулок.

— Спасибо! А... – я был готов выразить некое сомнение.

— Что? – Адония по привычке не дала мне договорить, не готовая пожертвовать своим «триумфом».

— Отец и братья будут согласны?

— Конечно! – фыркнула «козочка». – Рады будут, что я так быстро нашла жильцов. Лишние деньги, сам знаешь...

— Да, да! – согласился я. – Никогда не бывают лишними... Кстати, сколько я должен за этот прекрасный обед?

Спрашивая, я уже вытащил золотой пятирублевик.

— Ты что?! – Адония даже в лице изменилась. – Спрячь немедленно! Такие деньги! И никогда, слышишь, никогда, в нашем городе не показывай полуимпериал!

— Да, но обед?

— Через три дня в полдень за все сразу и рассчитаешься! – решила гордая хозяйка.

— И ты не боишься...

— Нет, не боюсь. Я вижу, ты хороший человек. Не обманешь. Даже если вдруг откажешься от комнат, все равно придешь и отдашь мне плату за обед.

Она была прекрасна в этот момент. Очень спокойная и уверенная в себе. Да и во мне тоже.

— Спасибо, Адаша!

— Почему все ж таки Адаша? – озорно сверкнула глазами.

— Так милее. Так тебе больше идет.

— Пусть – Адаша! Пока, Коста!

Я развернулся, пошел на выход. Остановился. Один вопрос не давал мне покоя.

— Адаша! – обернувшись, я позвал девушку.

— Да!

— А почему апельсины?

Адония улыбнулась, понимая суть моего вопроса.

— Апельсины Одессу спасли.

— Надо же! – я покачал головой. – Кто бы мог подумать?!

— Да! – воскликнула Адония.

— И как они это сделали?

— А вот через три дня и расскажу!

— Ну, теперь мне уже некуда деваться! – я улыбнулся.

— Да! Некуда! – Адония взмахнула юбкой, побежала на кухню.

... Решил выдвигаться к Куликову полю, чтоб не искать Карантинный спуск впотьмах.

Шел, улыбаясь всем подряд. Сытный обед, великолепная компания, решение первоочередной проблемы с размещением родных – славный выдался денек! И до чего приятная девушка!

Хороша Адаша, но не наша! Мне не нужна короткая интрижка, слезы прощания или злость на сестру из-за меня, поматросившего и бросившего. Мне скоро двигаться дальше, у меня своя цель и свои обязательства, и включить в этот пасьянс молодую девушку – просто непорядочно.

Я так глубоко задумался, что не заметил привалившегося к стене дома спящего возчика-чумака. И, на свою беду, споткнулся о его бесцеремонно вытянутые ноги.

Чумак пристроился покемарить, пока длинная колонна возов, запряженных серыми волами и забитых мешками с зерном, ожидала очереди на водопой. Воду брали из вырытого посередине улицы общественного колодца, у которого толпились с ведрами как местные, так и возчики. Очередь двигалась медленно. Кто-то из ватаги коротал время за игрой в самодельные шахматы, расчертив доску прямо в пыли, кто-то, как мною разбуженный, отдыхал в теничке.

— Понаехали тут! – я восстановил равновесие и сплюнул в серую пыль, которую здесь можно было лопатой для снега сгребать. – Извиняюсь! Не заметил.

Чумак вскочил, поправил съехавший на глаза бараний колпак. Уставился на меня не по-доброму. Весь его вид – измазанные дегтем рубаха и шаровары, вислые усы под длинным носом, дурацкая челка, свисающая соплей по правой щеке из-под колпака – выражал скрытую угрозу. Даже его молчание.

Он бросился на меня стремительно, как стартовавшая ракета. Но я был к этому готов. Отступил чуть в сторону и успел зацепить его ногу носком кожаного башмака. Чумак полетел в пыль, которая ему была не страшна. Он и так был грязен донельзя.

Возчики повскакали у возов, бросив свои шахматы и рогожи. Столпились рядом в ожидании бесплатного развлечения. Один громко крикнул:

— Нестор!

И бросил моему сопернику, уже поднявшемуся с земли, длинную палку с набалдашником.

Тот ловко ее перехватил на лету и снова уставился на меня с нехорошей усмешкой. Его холодный презрительный взгляд не оставлял сомнений: на своих ногах я отсюда не уйду.

Я попятился к стене дома, откуда невольно согнал чумака. Мимо пронеслись кони. Кто-то громко закричал «тпруу!» Возчики загалдели на своем малопонятном уманском наречии.

Чумак шагнул вперед, замахиваясь палкой, – и ... полетел в пыль, сбитый чьей-то рукой.

— А, ну, не балуй! – закричал нам здоровенный мужик в яркой шелковой рубашке, перехваченной узким лакированным поясом под животом.

Не успел я его поблагодарить, как сам получил по уху и улетел к возам.

Пока я поднимался на ноги и отряхивал свой сюртук, мужик надвинулся на зароптавших возчиков.

— Гляди сюда! – громко крикнул он, словно нуждался во внимании: все и так не отводили от него глаз.

Развернулся к дрожкам, ухватился за рессору, поднатужился – и переломил стальную полосу.

— Вот так! – крикнул он весело.

Возчики отступили.

Мужик отряхнул руки и полез в карман за серебром, которое щедро ссыпал в руку своему извозчику. Я заметил, что фалангу его мизинца на левой руке полностью закрывал золотой перстень с вырезанным гербом и камешком типа сердолика посередине.

— Это кто ж такой? – спросил я извозчика, недоуменно пялясь в спину мужику. Он неспешной походкой удалялся в сторону ближайшей площади.

— Известно кто ... Граф Самойлов, гроза всех увеселительных заведений Одессы, – ответил мне не расстроенный, а довольный извозчик.

Я бросился вдогонку графу.

Он обернулся, заметил, что я бегу вслед за ним, и одобрительно кивнул на ходу:

— Что, грека, чуть не сцапали тебя раки? Зря с чумаками связался. Это такой народ – только держись. Ни бога, ни черта не боятся! Своих калечат, если провинился. А уж с чужаками...

Самойлов двигался вроде не быстро, но подстроиться под его широкий шаг было нелегко. Пер вперед, как танк, или, скорее, как медведь в лесу – уверенно и неотвратно.

— На чумаках Одесса стоит! Жизнь у них суровая, и сами они ребята жесткие. Ежели кто из них проворуется, накормят соленой рыбой, напоят от пуза, penis ниткой перетянут и ждут, пока мочевого пузыря не лопнет. Так и бросят в степи подыхать, – увлеченно рассказывал мне граф.

Ему, по-моему, было все равно, кто рядом. Были бы уши – а там плевать. Его кипучая натура требовала любого выхода – хотя бы в форме рассказов собственного сочинения.

— Вон, гляди, – он ткнул пальцем в сторону караульной будки с солдатом через площадь. – Намедни с сыном, штык-юнкером, гуляли, ветер поднялся, пыль столбом. Так тот караульный в вихре и не разглядел, какого чина сынок мой. Решил, что полковник али генерал. В колокол зазвонил – вся кордегардия выбежала на караул.

Он громко захохотал на всю площадь.

— Куда поспешаем, ваше сиятельство? – спросил я, когда прилично удалились от чумацкого табора.

— Так – на аттракцион, на Куликово поле, – все так же весело ответил граф, не чинясь.

Я заметил, что народу вокруг прибавилось и все двигались в одном с нами направлении. В этот поток вливались и базарные торговцы, и их покупатели с корзинками, и зеваки-обыватели с детьми на руках, и нянюшки с благородными отпрысками в лицейских мундирчиках. Все толкались, бранились, спешили, и вскоре мы с графом разминулись.

Меня вынесло движением толпы на площадь.

По центру были устроены черные подмости, из которых торчали черные же столбы. Неужто эшафот? Я покрылся холодным потом: сцена публичной экзекуции, которую я пережил, стояла перед глазами, словно все было вчера. В голове зазвучал ненавистный голос полиция из Стамбула, ведущего подсчет ударов: «раз», «два» ...

Какой-то мальчик лет пяти, будто подслушав мои мысли, дергал свою няню или бабушку за руку и все время повторял:

— Что им будет? Что им будет?

— Знамо что... – рассмеялся какой-то мастеровой. – Высекут!

— Как высекут? – не унимался мальчик. – А потом отпустят?

— Сашенька, голубчик! – запричитала няня. – Пойдем отсюда!

— Я хочу посмотреть! – раскапризничался ребенок.

Я покрылся холодным потом, меня била мелкая дрожь. Больше всего на свете я хотел сейчас оказаться далеко-далеко отсюда. Но толпа все сжималась и сжималась ближе к подмосткам, и возможности выбраться у меня не было. Я задыхался.

Выехали конные жандармы и раздвинули проход в толпе. По живому коридору в полной тишине протаскились дроги со связанными людьми в черных длинных балахонах. Их затащили

на подмости и привязали к столбам, потом надели широкие пояса с какими-то надписями. Из толпы понеслись свистки, ругань и гиканье.

— Как же их сечь будут? – удивился кто-то рядом.

— Не будут их сечь. Их на позор выставили. Сейчас зачитают про лишение прав и состояния. Обычная процедура перед ссылкой на каторгу, – последовал ответ местного знатока.

Я развернулся и стал выбираться, не обращая внимания на возмущенные крики. Смотреть на эту гнусность у меня не было сил.

Глава 5. Человек в большом городе.

«Что же ты за город такой, Одесса? Как мне тебя раскусить?» – думал я, пробираясь вниз по балке, рискуя сломать себе шею. Овраг густо порос кустарником. То и дело попадались промоины и ключи с бьющей из-под земли водой. Меж них петляли тропинки, образующие, как арабески, причудливый узор линий.

Стычка с чумаками и позорные столбы, как ушатом холодной воды, смыли мои первые восторги от встречи с привычной картинкой европейской цивилизации. Макароны, понимаешь ... С чего я решил, что красивые фасады домов и греческая таверна – достаточные примеры, чтобы посчитать Одессу раем? Совсем не в то время я в нее попал, не стоит забывать, что на дворе лишь закончилась первая треть 19 века. Может, и к лучшему, что город снова превратился для меня в пусть красивого, но опасного зверя.

И мне требовалось решить, могу ли я себе позволить оставить тут сестру с племянником, как, где и на что они будут жить в большом незнакомом им городе. Мне требовалось больше информации. Первое впечатление часто бывает обманчивым.

Мое возвращение в городок прошло без эксцессов. Только пару раз упал в грязные ручейки, стекавшие к морю.

«Кузьмич» укоризненно покачал головой, оглядев мой стамбульский сюртук. К одесской пыли, въевшейся в ткань, добавились мокрые комочки земли и темные разводы.

— Не извольте, барин, беспокоиться: все вычищу в лучшем виде!

— Ну, какой я тебе барин, дружище! Такая же, как ты, подневольная птица. А ты свое дело знаешь крепко: поверь, лучше тебя помощника по хозяйству я не встречал!

Я не лукавил. Старый солдат, действительно, вел себя как заботливая кумушка. В наших домиках всегда было прибрано, посуда после обеда убрана моментально, постель вовремя заправлена, а одежда вычищена щеткой до почти идеального состояния. Я уж молчу про нашу обувь, к которой Кузьмич относился со священным трепетом. Даже жаль будет с ним расставаться...

Три последних дня карантина пролетели быстро.

Нам предстоял последний осмотр у доктора, а следом – свобода. Все без исключения волновались, опасаясь простудиться в последний момент и задержаться в «санатории» на неопределенное время. Легкий насморк у Яни вызвал массу тревог – даже у наших соседей по городку, которые опасались подхватить от него заразу.

Но все прошло штатно. Мы дали клятву, что не больны и не вступали в контакт с больными чумой: мы с Марией – на Евангелии, Спенсер – на Библии. Доктор дал добро, багаж был получен, и мы снова превратились в обычных туристов, которых ждало знакомство с городом.

Пара дрожек доставила нас до отеля. По дороге мы закупили для Спенсера постельные принадлежности. Он со спокойной совестью отпустил нас, условившись встретиться со мной на следующий день у памятника Ришелье. Мы могли выдвигаться в Красный переулок к Адаше.

Мне было грустно смотреть на сестру: ей пришлось снова облачиться в платье от Фонтона. Кажется, в санаторной пижаме ей было гораздо комфортнее. Я решительно увлек ее в магазин мадам Томазини.

Увы, нас обломали прямо у порога – все по классике, как в фильме «Красотка».

— У меня одеваются лучшие дамы Одессы! – с трудом выговаривая русские слова, заявила нам мадам. – Убирайтесь, не распугивайте мне клиентуру!

Пришлось потыкаться в несколько магазинов. Все оказалось совсем не так просто, как я себе вообразил – да что там самому себе врать, полная хрень вышла из моего плана приодеть Марию.

В одних магазинах нас отказывались обслуживать, сколько бы я не звенел золотом, в других понимали исключительно по-французски, в третьих – не было готового платья: все шилось исключительно на заказ, причем ткань требовалось приобретать у мануфактуристов с Александровского проспекта, а всякую бахрому и прочие бабские финтифлюшки – в лавках на Старом базаре. В итоге, я натуральным образом взвыл!

Нас выручил портной в самом начале Греческой улицы, занимавшийся перелицовкой старых вещей. Он нас уверил, что без проблем подберет Марии все, что угодно.

— Все, что угодно, мне не нужно! – предупредил я, не задумываясь. – И нам не нужны все эти воздушные платья с открытыми плечами. Мадам не станет возражать против строгого наряда порядочной молодой вдовы. Ну, и все, что там положено женскому полу...

Я смущенно замолчал, не зная, как бы поприличнее объяснить.

Мария оставалась безучастной и на помощь мне не пришла. Наоборот, стояла с обреченным видом, словно я ее не в магазин привел, а на публичную казнь. Марш-бросок по Дерибасовской ее вымотал, первые впечатления от большого города – ошеломили. Она явно была не в своей тарелке, теребя ленты капора, будто намеревалась их оторвать.

Но грек сам пришёл на подмогу:

— Не извольте беспокоиться, сударь! Молодой госпоже мы подберем все, что требуется. Оставьте ее у нас на пару-тройку часов – и вы ее, поверьте, не узнаете, когда вернетесь!

Я скептически на него взглянул: хотелось бы все же сестру узнать. Но дискутировать не стал: у меня нарисовалась новая проблема под названием «мани-мани». Мне нужно бежать на биржу.

Грек меня остановил:

— Сударь! Пару минут задержитесь. Вам и самому не мешало бы переодеться. Позвольте, я сниму ваши мерки. Никогда не знаешь, когда пригодится. У вас есть какие-нибудь пожелания?

— Хочу боливар! – тут же ответил я.

Грек понимающе кивнул.

— Такая шляпа ко многому обязывает. Придется вам подобрать что-то подходящее!

Старый разводила! Знаю я все эти штучки торговцев. Впрочем, поприличнее одеться мне не помешает. Но сперва нужно разобраться, на что я могу рассчитывать после размена своего капитала на рубли. Реакция Адаши на мой полуимпериал ни о чем не говорила.

Разыскать биржу труда не составило. Красивое здание под плоской крышей, обсаженное колоннами со всех сторон – в Одессе, вообще, к колоннам относились с пиететом – нашлось в конце Приморского бульвара. У входа меня встретили мраморные лев и волчица со щитами с мальтийскими крестами – не то охрана, не то грозное предупреждение всяк сюда входящему.

Мне были нужны меняльные конторы и, желательно, консультация опытного финансиста.

Быстро выяснил, что меняют николаевские золотые рубли на серебро исключительно в отделении Казначейства. И в нем я быстро понял, что мои надежды на то, что я богат, имея чуть больше 1000 золотых рублей в виде 211 полуимпериалов, растаяли, как дым.

— Милостивый государь, – просветил меня почтенного вида кассир в поношенном мундире чиновника Министерства финансов, учтиво представившийся Гордеем Симеоновичем, – золотой идет к серебру в соотношении один к одному плюс три процента. Таким образом, за один полуимпериал вам причитается пять рублей серебром и пятнадцать копеек. Будете менять?

Я оторопел. Мне казалось, что золото должно было быть раз в десять дороже. Не велик же капитал приберег на черный день чертов Никос! И остатком в иностранных монетах не стоило обольщаться: за сорок золотых франков давали, как следовало из записи мелом на черной доске у входа, «9.84 руб. сер».

— А если ассигнациями?

— Тут все сложнее. Мы меняем по государственному курсу один к трем с половиной. Но время сейчас беспокойное, грядет денежная реформа и курс серьезно скачет. Разницу в курсах мы называем лажем. И этот лаж может быть как положительным, так и отрицательным. Сейчас выгоднее обратиться к коммерсантам, в частные банкирские дома. Не забывайте, вы – на бирже!

— То есть с обменом серебра на бумажные деньги стоит лучше не спешить?

— Напротив. Вам же выгоднее больше получить ассигнаций, – улыбнулся приятный и отзывчивый чиновник. – Если же доверие населения к финансовой политике Петербурга укрепит, следует ожидать отрицательного лажа. И, соответственно, вы получите за свое серебро меньше ассигнаций.

Конечно, меня, пережившего 90-е, курсовыми колебаниями не напугать. Будто я не помню, как полученные утром «бумажки», к вечеру превращались в малоценную бумагу. Здесь говорят «лаж», а у нас выходила полная лажа!

Но как же не хватает калькулятора! Я принялся подсчитывать, шевеля губами, сколько же я получу серебряных рублей. Прикинуть точно в ассигнациях я даже не решился. Что-то вроде четырех тысяч выходит.

— Вы, как я вижу, человек приезжий, поэтому стоит вас предупредить еще об одной проблеме. С ассигнациями в Империи беда. Очень много фальшивок. Еще Наполеон этим баловался. Будьте аккуратны с обменом через частные руки. И я до конца не понимаю, к чему вам менять полуимпериялы в большом количестве? Золото ходит наравне с серебром.

Тоже верная мысль. Полезный старичок. Видимо, не одни штаны протер, сидя на казенном стуле. Решено; махну не глядя 11 пятирублевиков. Я выложил скромную стопку монет на зеленое сукно стола.

— Орел расправил крылья! – сказал кассир, нежно поглаживая монеты. – 32-й год, хорошая чеканка. Не фальшивка!

Заметив мое недоумение, он добавил:

— На обратной стороне монеты со времен императора Александра крылья у орла не опущены вниз, как раньше. Вот мы и говорим: расправил крылья. Итак, вам причитается 56 серебряных рублей и 65 копеек. Извольте получить.

Он выложил передо мной шесть неполных столбиков и стал отсчитывать медные пятаки.

— Вот вам 13 «масонов»!

— Почему масонов?

— Так крылья у орла опущены, масонский знак. Потому и «масоны»-с.

— Давайте шестнадцать рублей поменяем на ассигнации. Не хотелось бы таскаться с грудой серебра в карманах. Не стану из-за такой мелочи бегать по меняльным конторам в поисках курсовой выгоды.

— Ах, молодость, молодость! Для вас же сказано: копейка рубль бережет. Вы же, вроде, уже не юноша, чтоб проявлять подобное легкомыслие. Наверное, и детки уже есть? Впрочем, дело ваше, – он быстро пересчитал все на счетах и выдал мне пачку ассигнаций. – Ровным счетом – 56 рубликов. Эх, у нас с вами кругло вышло!

Я и сам удивился, как так ловко получилось: сперва – 56 рублей серебром, теперь – та же сумма в бумажных купюрах.

— Гордей Симеонович! Вы – человек, много повидавший, на финансах собаку съели. Не просветите меня, как капиталом в пару тысяч рублей можно распорядиться? Мне сестру с племянником нужно как-то устроить.

Старичок расплылся в улыбке: видимо, сейчас оседлает любимого конька.

— Что ж, сударь, давайте подсчитаем. Сперва прикинем возможный доход от процентов на вклады. Выплат по купонам или бонам от частных компаний подсчитать не берусь: тут все, как в нашем казино на бульваре. Ежели в государственные бумаги вложите, с тысячи двухсот

рублей у вас набегит за год полсотни. То есть, если жить на доход с капитала, для потребной жизни нужно иметь не менее 12 000 рублей на счетах или в государевых бумагах.

Я быстро пересчитал в уме.

— Выходит, можно прилично прожить на пятьсот рублей в год?

— Отчего же нельзя? Коли не транжирить, вина не пить до беспамяත්ства да бережливость соблюдать – вполне возможно. Вот братец мой в Москве живет-с на пять сотенок, а ныне мне пишет: одолжи тыщенку на покупку дома. Он его за полторы сторговал. Домик, конечно, так себе...

— А в Одессе?

— В Одессе, милсдарь, вы и за пять тысяч не найдете. Тут все помешались на недвижности. Уже под землю зарываются, чтоб место освободить.

— А сколько на год потребно здесь денег?

— Одесса – город богатый. Приезжих много, деньгами сорят. И товары вовсе не дешевы, не взирая на порто-франко. Приличный обед в ресторации выйдет у вас рубля в три. Так что питаемся с рынка: что завезут, то и берем. Опять же вода привозная – до 20 копеек, бывает, ведро доходит!

Я тут же прикинул: Марии на месяц нужно не меньше ста рублей. Получается, с процентов на капитал сестре не прожить, а всех моих денег ей и на пять лет не хватит. Не идти же ей потом в прислуги. Нужен источник стабильного дохода. Придется продавать драгоценные камни и думать, во что вложить деньги. Дааа... задачка не из легких!

Любезно раскланявшись с кассиром и высказав тысячи слов признательности, я вышел на ступеньки биржи. Думы, думы... Думы не отпускали.

Тут меня окликнул старый знакомый, американец Стефенс, с которым мы вместе «чалились» в Карантинном городке.

— Хай, мистер! – приветствовал он меня в американской манере – Как поживаете?

— Коста Варвакис! – представился на всякий случай. – Как-то поживаю.

Янки излучал неподдельный оптимизм, беспрестанно улыбался и производил впечатление человека, знающего почем фунт лиха. Аккуратная бородка, небольшие усы, широкий лоб и умные глаза – одним словом, респектабельный джентльмен, много повидавший, как и его крепкий костюм путешественника.

После пары положенных при встрече банальностей он неожиданно предложил мне пройти в кофейню на бульваре, где был зал с газетами. «Обменяться первыми впечатлениями», — так он объяснил свой интерес к нашей беседе.

В кофейне, действительно, можно было просмотреть газеты. Они были скручены в толстые рулоны и закреплены на палке, чтобы никто не утащил отдельный номер. Эти рулоны с торчащей ручкой размещались в особой стойке, и каждый мог выбрать то издание, которое было свободно.

Но нас газеты не интересовали – куда больше интриговали подробности нашего первого свидания с красавицей-Одессой.

Мне было чем поделиться с американцем, но я уступил ему слово.

— Одесса – совершенно американский город! Она куда больше похожа на наши, чем грустная Европа, погрязшая в Средневековье. Здесь все дышит предприимчивостью! Только что я вышел со встречи с нашим консулом и вице-председателем биржи господином Джоном Ралли. Цифры торговых оборотов, которые он мне привел, поражают. И вот, что интересно: по его мнению, те торговые льготы, которыми обладает город, благодаря порто-франко, скорее мешают, чем помогают делать нормальный бизнес. Кстати, он ваш соотечественник.

— Ралли – грек? – изумился я.

— Истинно так, мистер. И очень успешный бизнесмен, очень ... У него конторы по всему миру!

— Как вы считаете, мистер Стефенс, есть ли у меня шансы, обладая скромным начальным капиталом, изыскать здесь возможность для инвестиций?

— Не считите за грубость, но боюсь вам будет трудно. Сюда стекаются авантюристы и начинающие бизнесмены со всей Европы – итальянцы, французы, англичане, немцы, поляки, венгры, евреи... Очень большая конкуренция! А все лакомые куски уже поделены между местными семейными торговыми домами. И вам придется толкаться в толпе таких же молодцов у подножия пирамиды, чтобы ухватить свой шанс. А еще ваш язык...

— Что не так с моим языком?

— Русский здесь – для присутственных мест, итальянский – для торговых дел и французский – для высшего общества.

— Ошибаетесь, сэр. Две трети местных коммерческих фирм принадлежат грекам.

— Ралли мне об этом не сказал. Спасибо за уточнение. Наверное, он не желал афишировать свою связь с местной диаспорой. А что вы думаете о месте Одессы в Империи? Мне сказали, что здесь царит особая атмосфера, отличная от остальной России. Здесь не знают суровости крепостного права, а местные правители довольно либеральны.

— Тут я мало чем могу вам помочь. Я такой же путешественник, как и вы, – развел я руками и вернулся к интересующей меня теме. – Будь вы заезжим предпринимателем, в какую область вы рискнули бы инвестировать?

— Хо-хо, мне по сердцу ваш настрой! Вам стоит подумать о переезде в страну, где царит всепобеждающий дух предпринимательства! Лично я – убежденный сторонник транспортных проектов. За ними будущее. Я намерен бросить вызов монополии англичан на морские перевозки между Старым и Новым Светом. Здесь же, в России с ее необъятными просторами, перевозки – это отличный бизнес.

Вот нормально так озадачил меня американец! Что я могу предложить этому городу? Что толку от моего послезнания? Любой авантюрист из Европы мне сто очков вперед даст, ибо я не знаю элементарных вещей, не говоря уже о специальных – коммерческих и финансовых. Готовься я специально к попаданству, приналег бы на исторические книги и инвестировал бы туда, где правят бал нынешние Биллы Гейтсы и Илоны Маски. Или играл бы на местной бирже, снимая сливки, благодаря знаниям котировок на зерно или греческую коринку. Но я не знаю НИЧЕГО!

Я даже не могу толком использовать совет американца. Легко сказать, инвестируй в транспорт! А куда конкретно? Может, в акции Черноморского общества перевозок Одесса-Константинополь? Но Митька мне на «Неве» поведал, насколько неладно дело с пароходами. Сколько аварий и простоев в доках. Как долго строятся в Херсоне два новых паровых корабля для Общества. Не имею я права вкладываться в высокорисковый актив!

Вернулся за Марией к портному в полном раздрае. Мне не подняли настроение даже приготовленные для меня обновки и вожделенный боливар – напоминающий цилиндр, головной убор с широкими загнутыми слегка вниз полями. Еще пришлось отнекиваться от предложенной мне греком трости.

— Без этого аксессуара ваш образ неполный, дорогой Коста! – уверял меня доморощенный Саша Васильев по имени Перикл, навязывая мне свою версию «Модного приговора» образца 1836 года.

— Не привык я с дубиной таскаться, – отбивался я (чуть не брякнул про бейсбольную биту).

— Но это – так элегантно! И можно при случае от собак отбиться!

— Нет уж, увольте! И перчаток мне не надо. Лето на дворе.

— Ну, хорошо. Все равно, вы – красавец! Хоть сейчас – на Бульвары лорнировать дам. Один мой знакомый, весьма близорукий, проделывал этот трюк с такого близкого расстояния,

что постоянно нарывался на скандалы. Ха-ха-ха. Взгляните, какую достойную спутницу для Променада я вам создал!

Из-за занавески вышла Мария, вся в чем-то светло-зеленом, с поясом под самой грудью и пунцовая от застенчивости. Неслабое ей выпало испытание после турецких закрытых балахонов и кисей наряжаться и демонстрировать свою красоту в присутствии постороннего мужчины.

Да, не так я представлял себе безупречной образ почтенной вдовы. Нет, конечно, все было в рамках приличия: шея и плечи закрыты и никаких, слава Богу, мини! Но все же, но все же...

Помолчал, подумал: «какого черта я вдруг заделался ревнителем нравственности и превратился в сурового старшего брата. Чудеса!». Обошел Марию по кругу, застывшую в ожидании приговора, – и выразил свое самое горячее одобрение. С женщинами только так! Иначе потом всю плешь проедят: я, мол, так старалась для тебя, а ты...

Мария тоскливо вздохнула. То ли её утомила многочасовая примерка, то ли наряд ей на самом деле не нравился. Мне некогда было разбираться сейчас с ее настроением – нас Адаша заждалась.

Высыпал портному кучку серебра, он мне на сдачу – серебряные копейки, полуполтинником их окрестив. Это что же выходит? Серебро – на сдачу от серебряного рубля, а медь – от ассигнации? Ай да, старичок, божий одуванчик! Сунул мне «масонов» вместо серебра! Еще и про берегущую копейку серьезно так поучал. Издевался, гад!

Ладно, будем считать, что он комиссию получил за консультацию, а разбираться в монетной системе будем позже. Сейчас нужно поторапливаться.

До Красного переулка было рукой подать. Наша хозяйка ничем не выразила своего недовольства из-за нашей задержки. Наоборот, обрадовалась, будто заждалась. Проводила нас в комнаты на второй этаж одного из домов, что окружали ресторанный дворик по периметру.

— Я решила вам повеселее комнаты выделить, – объяснила она. – Здесь мои тетки останавливаются, когда нас навещают. В комнатах братьев все – как-то слишком по-мужски. Впрочем, Коста может и там устроиться.

— Здесь очень мило, спасибо! – прижал я руки к груди, демонстрируя полное восхищение.

Комнаты и впрямь были хороши. Беленые известкой стены и балки на потолке, голубые внутренние рамы окон с решетчатыми ставнями, на полу и лежанках – домотканые пестрые коврики и много подушек разного размера. Двухкомнатные апартаменты в этностиле – сто евро за ночь, как минимум! Еще бы мне роптать!

Адаша, не заикнувшись о депозите, ушла. Янис – следом. Пацан, засидевшись у портного, потребовал отпустить его погулять. Мы же принялись разбирать свои вещи.

Мария двигалась заторможено. Лицо было напряжено, губы поджаты – вот умеют женщины создать накаленную атмосферу, не проронив ни слова.

— Что? – спросил я резко. Еще не отошел от своих дневных переживаний – все ж таки завел меня Гордей, мать его, Симеонович, гений медной монеты.

— Ничего, – тусклым голосом ответила она, перекладывая в третий раз какую-то вещичку Яни.

— Выкладывай!

Она промолчала, подошла к окну и уставилась на уходящие вдаль крыши.

— Если есть проблема, но ты будешь молчать, мы ее не решим, – начинал раздражаться.

— Мне здесь плохо, – честно призналась она грустным тоном.

— У Адонии?

— Нет, нет. Она замечательная девушка. И комнаты чудесные, словно я домой, на Остров, вернулась, – она развернулась ко мне лицом, на краешке глаза застыла слезинка.

Обнял ее за плечи, прижал к себе, погладил по спине и шепнул на ухо:

— Что же тебе беспокоит?

— Этот город... Он очень большой, – призналась она мне, дыша в грудь.

Класс! Приехали! В Карантинном городке ей было комфортно, а здесь, увидев толпы людей и вереницы экипажей, услышав людское многоголосие и странное поведение отдельных несознательных продавщиц из модных бутиков, она растерялась или испугалась.

— Все будет хорошо. Привыкнешь, – успокоил, не выпуская из своих объятий.

Наши обнимашки прервала Адаша, стремительно влетевшая в комнату:

— Там вашего Яниса поколотили!

Глава 6. Фланер и подкаблучник.

Бросились во двор.

Пока бежали, в голове проносились не самые приятные картинки: племянник весь в крови, лежит на грязной земле, не двигаясь, с разбитой головой.

«Чертова Одесса! – пронеслось ко всему прочему. – Никак не хочет нас принять!» Все это усугублялось непрерывными восклицаниями сестры, вперемешку с её уже громким плачем.

Увиденное меня сразу успокоило. Нет, обязательная для такого рода сцен – можно сказать, классическая триада – присутствовала налицо: Янис был весь изгваздан в пыли, рубаха порвана, из носа течет кровь. Но! Он не валялся в этот момент на земле. Как раз схватил лежавший тут же небольшой камень и швырнул его вслед убегавшей ватаге из четырех шкетов его же возраста, давшей деру при виде взрослых.

— Сучи дети! – заорал он на русском вдогонку брошенному камню.

Я остановился, сложился пополам. Сестра не обратила внимания, бега не замедлила. А вот Адаша с тревогой оглянулась. Я успокоил её взмахом руки. Побежала дальше.

«Ах, «Кузьмич», «Кузьмич»! – я изо всех сил сдерживал себя, чтобы не рассмеяться в голос. – Значит, камень, ножницы, бумага, небо, облака – белогривые лошадки... Не доглядели мы, не доглядели. Хотя, «Кузьмич» вряд ли мог Яниса научить такому. Просто пацан случайно подслушал и запомнил про «сучьих детей».

Я выпрямился и уже спокойным шагом подошел к «полю Куликову».

Сестра уже не плакала. И сейчас, наблюдая за ней, я не мог сдерживать улыбки. Все мамы одинаковы. Сколько раз я сам наблюдал такую же реакцию моей мамы, когда возвращался домой в таком же виде, как Янис в данную минуту.

Сестра вертела сыночка во все стороны, допытываясь, все ли кости целы; потом с криками «мальчик мой» прижимала к себе и целовала; потом неожиданно отставляла его и начинала ругать за то, что полез в драку; потом – опять поцелуи; потом – проклятия в сторону шпаны, обидевшей её мальчика. В моем детстве иногда мама еще и подбавляла мне парутройку раз по заднице, чтобы я крепче усвоил урок и не лез, куда не нужно, или не связывался, с кем не нужно. Сестра сейчас удержалась – вот и вся разница!

— Пойдем в дом. Неудобно. Вон, уже люди смотрят! – я наклонился к Марии.

На сестру этот довод подействовал. Она, наконец, оторвалась от Яниса, поднялась, взяла его за руку. Пошли в дом.

— Адаша! Его помыть бы надо! – попросил я нашу новую хозяйку.

— Вы идите к себе! – Адаша сразу согласилась, словно была виноватой. – Я сейчас принесу и тазики, и воды.

— Из-за чего подрались? – спросил племянника.

— Грязным турком назвали! – доложил Янис, не то гордясь, не то переживая.

— Как ты это понял? – удивилась сестра.

— Один из них говорил по-нашему.

— По-турецки?

Янис кивнул в ответ.

В общем, все было понятно. Четверо пацанов, греки. Увидели незнакомца. Стали выяснять. Удивились имени. Янис сказал, кто папа, но сам сказал, что грек. Ему в ответ: какой же ты грек, если по-гречески – ни-бе, ни-ме?! Ты – грязный турчонок! Тут и понеслось.

— Больно было? – поинтересовался я.

— Нет!

— Сам успел кому-нибудь врезать?

— Брат! – сестра не удержалась, считая, что я веду абсолютно непедагогичную беседу.

— Да! – Янису нравилось. – Этому, который назвал!

— Молодец! – я потрепал племянника по макушке.

— Чему ты его учишь? – сестра все равно не могла смириться с моими методами воспитания...

— Пойду Адаше помогу! – я решил избежать ненужных пререканий.

...Когда мы с нашей маленькой хозяйкой поднялись в комнату, Янис уже стоял голый. Поставили его в тазик. Сестра и Адаша начали его умывать. Я сидел в сторонке.

— Вот что ты так улыбаешься?! – все-таки сестра никак не могла уговорить. Чтобы Янис не до конца понял, о чем дискуссия, говорила на греческом. – Твоего племянника чуть не убили, а ты улыбаешься!

Мамы, мамы... Чуть не убили!

— Я улыбаюсь, потому что горжусь своим племянником, сестра!

— Ты гордишься тем, что он дерется?

— Да, представь себе! – я чуть повысил голос, чтобы немного охладить пыл сестры и заставить её прислушаться к голосу разума. – Мария! А ты как себе все представляешь?!

Мария даже перестала лить воду, пока не понимая, к чему я клоню.

— Ты думаешь, что он всю жизнь будет рядом с тобой? Всегда будет держаться за твою руку или за юбку? И ты всю жизнь собираешься заслонять его от любого дуновения ветерка?

Сестра приходила в себя. Я перешел на турецкий, чтобы и Янис услышал, что я скажу.

— Он – мальчик! Он будет каждый день выбегать на улицу поиграть. И, поверь мне, еще не раз и не два будет драться со сверстниками и приходиться к тебе с разбитым носом. Это – неизбежно. Такова обычная жизнь любого нормального мальчишки! Через сто лет будет так! Через двести, через пятьсот! Так почему я не должен радоваться тому, что мой племянник не струсил, не побежал с плачем к тебе, не укрылся за твоей юбкой, а дрался?! Дал отпор! Почему я не должен радоваться тому, что растет мужчина, который, когда вырастет, спрячет тебя за своей спиной и приберет каждого, кто посмеет поднять на тебя руку!

После такой речи не могла не установиться мертвая тишина.

По взгляду сестры было понятно, что она признала, что я прав.

Папа! Папа вышел во двор с кинжалом, не задумываясь, чем это ему грозит. Сама – тому свидетель! Но не стану бить крупным калибром. Сама все понимает!

Выслушав меня, эта глупыня перевела взгляд на Яниса, который стоял в тазике и все еще пытался осмыслить до конца, что я сказал.

Сестра обняла мокрого нахохлившегося Яниса.

— Мой герой! – прошептала, роняя слезинку.

Напряжение схлынуло. Все расслабились, заулыбались.

— Конечно, герой! – подхватила Адаша.

— Герой заслужил мороженого! – решил я. – Янис! Хочешь мороженого?

— А что это? – Янис за ответом обратился к маме.

Но и Мария не имела представления, о чем идет речь. Теперь они оба вопросительно посмотрели на меня.

— Самая вкусная вещь на свете! – я держал интригу.

— Конечно, хочу! – Янис поверил на слово.

— Адаша! В Одессе есть мороженое для героев? Джелати? – уточнил я, поворачиваясь к нашей хозяйке.

— Вот ты спросил! – фыркнула она в своей манере, оскорбившись. – Конечно, есть! Еще Де Рибас выписал мороженщика из Италии. Ступайте к Памятнику. В театре или в кофейне отеля «Петербург» найдете!

Под «памятником», как я понял, она имела в виду статую Дюка. Я сцапал одевшегося племянника за руку и решительно направился на Бульвары или, говоря на местном слэнге, на Променад.

Сестре пришлось прибавить ходу, чтобы не отстать. Адаша стояла в дверях. Смотрела вслед. Махнула рукой.

Сестра нагнала нас, пристроилась рядом и тут же принялась дергать меня за рукав. Я отреагировал, посмотрел на неё. Вид у неё был заговорщицкий.

— Что? – недоумевал я.

— Ты почему Адонию с нами не позвал? – с видом бывалого подпольщика зашептала. – Она ждала. Видела я, как она на тебя смотрела.

Я рассмеялся – как мне все это было знакомо! Сестричка, как все греческие женщины, включила режим свахи. Что бы с этим миром не случилось, а греческие мамы и сестры не могут спокойно жить, пока не пристроят своих сыновей и братьев. Львиная доля их жизни уходит на поиск «хорошей девушки из хорошей семьи». Разрабатываются тайные операции по сведению одиноких! И вот уже ни о чем не подозревающие парень и девушка «случайно» сталкиваются, или «хорошую девушку из хорошей семьи» посылают за солью к соседке за тридевять земель!

— Вот, что ты смеёшься?! Такая девушка! Такая девушка! – тут она призвала в союзники Яниса. – Скажи, мой мальчик, какая Адония хорошая девушка!

— Да, – племянник почувствовал, что сейчас от него требуется только утвердительный ответ, а любой другой – отрицательный, или выражающий сомнения – вызовет страшное недовольство.

— Вот, видишь! – Мария успела погладить сына по голове за поддержку. – Ребенка не обманешь! Он чувствует!

— Сестра! – попытался, было, вставить словечко.

— Хорошо, хорошо! – сестра предупреждала возражения. – Пусть не красавица! И что?! Подумаешь! Зато с приданным! Целый постоялый двор у ее семьи.

— Таверна, – уточнил я.

— И таверна, и дома вокруг! Заведешь себе жену, детки пойдут... И мне в таверне дело найдется, – мечтательно вздохнула она.

На этом «горючее» её мечтаний иссякло. Она задумалась о своей судьбе, оглянувшись, понимая, что по-прежнему находится в городе, который ей совсем не по душе, и вынесла неутешительный приговор:

— Или не найдется. Кому я нужна без мужчины? Да еще с ребенком...

— Мне нужна! – я обнял сестру на ходу.

— И мне нужна, – тут же отозвался Янис.

Сестра заставила себя улыбнуться.

У памятника Ришелье толпился народ и незнакомые мне, слава Богу, чумаки. Я резко свернул к полукруглому зданию с гордой вывеской «Отель Петербург».

— Здесь подождите! – приказал твердо, а сам зашел в кофейню.

Через пять минут вышел на улицу и вручил своим креманки с мягким мороженым. Рядом стоял улыбающийся официант в белом мундире с золотыми пуговицами, чтобы принять грязную посуду.

— Ооо! – оценил Янис мороженое.

— А то! – хмыкнул я. – Дядя дурного не посоветует. Привыкай!

Янис, как верный, но героический пудель, поспешил за мной на Променад, покончив с лакомством. Мария, поджав губы, семенила за нами. Мороженое ей явно не зашло.

Мы шли по Бульвару. Вокруг цветы, статуи – и бесконечный поток людей, как в 80-х в центре Тбилиси или в Москве в пятничный вечер. Все толкались, звучали фразы на всех европейских языках. Рядом три «курицы хилили чинно в ряд», как будет петь Аркаша Север-

ный через 160 лет. Какая-то авантажная особа втолковывала своей спутнице, что «сердечный браслет», соединенный цепочкой с кольцом на пальце, вышел из моды, а другая наслаждалась смущением подруги.

Не знаю, что там насчет браслета, но я чувствовал себя истинным красавцем. Мой боливар, как мне казалось, смотрелся круто. Дамы постреливали мне глазками. Я наслаждался, плывя в цветочных ароматах и женском внимании.

Может, зря я отказался от трости? Сейчас бы вертел ее между пальцев ... Хотя, как я читал, Пушкин трость носил из чугуна, чтобы дуэльную руку тренировать. Таким дрыном вприору статуям головы сшибать! Впрочем, какой из меня Александр Сергеевич?!

Сестра моих восторгов и самолюбования не разделяла. Уныло плелась сзади, не обращая внимания на разодетую праздничную толпу. Лишь выстрел с моря заставил ее вздрогнуть.

— Сигнал с брандвахты! Сейчас военный оркестр заиграет, – пояснил какой-то франт.

И, действительно, над променадом запели трубы, услаждая слух разморенной вечерним солнцем и цветочными ароматами публики.

— Я устала! – разнылась сестра и повторяла вновь-вновь свою жалобу, вовсе не разделяя моих восторгов от фланирования по Променаду и звучащих военных маршей.

В итоге, я плюнул и свернул на ближайший проспект, чтобы добраться до Греческой улицы.

Мой маневр оказался не из легких. Мы воткнулись в поток, вливающийся на Бульвары. Стоило нам выбраться из толпы, как я услышал:

— Пади! Пади!

На нас чуть не налетела четверка лошадей, запряженных в элегантный экипаж. На первой лошади пристроился какой-то юнец-форейтор, кричавший дискантом на всю улицу местный аналог «Дорогу, дорогу!» На сидениях коляски невозмутимо восседал уже знакомый мне Самойлов в ярко-желтой шелковой рубашке. Он, словно выполняя привычный ритуал, швырнул горсть медяков. Нас едва не снесли на этот раз какие-то оборванцы, выскочившие на улицу, как черти из-под земли.

В глазах потемнело. Сердце стучало как бешеное. Я еле успел выдернуть Яни из-под копыт коней и не дал упасть сестре, когда нищие бросились нам под ноги в поисках небрежно рассыпанной по мостовой мелочи. Не так я хотел закончить нашу прогулку.

Марию это происшествие доконало окончательно – сломалась. Слова не произнесла, безмолвствовала. Но было видно, как она еле сдерживает себя, чтобы не разрыдаться.

«Мороженое, Променады! – вздыхал я про себя. – Думал, что все вот так легко решится? Сестра успокоится? «И на земле мир, и в человеках благоволение»? Кого ты обманываешь?!»

Так и добрались до таверны Адаши: я с утомившимся племянником на руках – весь в своих тяжелых мыслях и из-за ситуации, и из-за неизбежности серьезного разговора; сестра – на грани истерики.

...Адаша даже не стала скрывать своего недоумения, когда встретила нас. Её можно было понять. Она же справедливо считала, что люди, которые пошли за мороженым и на Променады, должны вернуться довольными и веселыми. А наша троица сейчас вполне сгодилась бы на роль участников траурной процессии.

Сестра быстро прошла мимо неё. Адаша вопросительно взглянула на меня. Я постарался изобразить глазами, что ничего страшного, пустое, бывает, не стоит придавать значения. Адаша не поверила.

— Покормишь? – попросил я её.

Адаша подала ужин в комнаты. Видя наше состояние – расстаралась, надеясь, что вкусная еда хоть как-то отвлечет от дурных мыслей. Приготовила куски жареного в масле калкана – знаменитой черноморской камбалы – с печеной репой и кувшин вина. От предложения Марии

разделить ужин с нами отказалась, сославшись на дела. Девушка была умная, понимала, что сейчас тот момент, когда следует оставить нас наедине.

Мария совсем не реагировала на еду, лишь для виду ковыряясь вилкой в своей тарелке. Я в таком состоянии не мог получить удовольствия от еды, как бы ни восхитительна была камбала. Только Янис по достоинству оценил старания Адаши. Уплетал за обе щеки. И не отказался еще и от порции Марии. Поев, тут же начал зевать.

— Иди спать, герой! – улыбнулся я.

Янис ушел.

Я понимал, что могу спокойно избежать разговора. По одной простой причине: знал, что сестра ни за что не позволит себе выказать недовольство своим нынешним положением. Просто потому, что в этом случае она нарушила бы одно из главнейших табу моего народа, проявив неблагодарность.

«Воровство и неблагодарность – две самые худшие вещи на свете!» – все мое детство втолковывали мне мои дед и отец. Если человек сделал тебе доброе дело, ты обязан помнить об этом. Ты обязан быть ему благодарен. Ты обязан ответить ему тем же. Один из тех простых законов жизни, который наряду с другими простыми законами, все еще позволяет человечеству удерживаться на плаву. Хотя все чаще и чаще всякого рода «революционеры» пытаются похерить все эти законы, призывая к сплошному отрицанию под соусом вседозволенности. Глупцы и слепцы!

Рассуждения сестры, сидевшей сейчас напротив и не смевшей поднять глаза, для меня были как на ладони. «Мой брат по моей просьбе, рискуя жизнью, вытащил и меня, и моего сына из плена. Привез сюда! Кормит, поит, одевает и заботится о нас! А я – неблагодарная! Не могу потерпеть, привыкнуть, приспособиться! Не могу сделать вид, что мне все нравится!»

— Тебе здесь все не нравится, сестра, да? – спросил, бросаясь на баррикады. Я мужчина, и мне решать проблемы.

— Что ты, Коста? – сестра, конечно, попыталась все-таки удержаться в рамках должного приличия...

— Сестра!

Я повысил голос. Кроме того, что мой тон призывал её не врать мне, он еще стал сигналом, что я освобождаю её от необходимости быть благодарной, поскольку в наших отношениях, как брата и сестры, мы можем позволить себе быть откровенными. Её недовольство нынешним положением не будет мной воспринято, как проявление неблагодарности. Сестра это поняла. Избавленная от обязательств, она тут же перестала сдерживать себя, закрыла лицо руками и зарыдала.

Рыдала долго. Уж слишком много в ней накопилось за эти две с небольшим недели. Я, как ни странно, был рад. Слезы всегда несут с собой освобождение, облегчение, примирение. Слезы всегда спасают.

Сестра сейчас была неспособна что-либо мне сказать. Я говорил за неё. Сестре только оставалось кивать мне в подтверждение моих – а на самом деле – её выводов.

— Ты не сможешь здесь жить. Большой, грязный, пыльный город. Толпы незнакомых людей. Ну, да, то еще удовольствие – толкаться по вечерам на Бульваре, пусть и с мороженым в руке! Ты скучаешь по мужу, – тут сестра зарыдала громче, признаваясь в моей правоте. – Ты боишься за Яниса. Ты коришь себя, за то, что лишила его отца. Тут ты не совсем права, сестра. Все-таки, ты поступила правильно. Янису так будет лучше. Успокойся и больше не вини себя.

Сестра уже не рыдала, всхлипывала, утирая слезы.

— Главное, что пока ты и Янис в этом городе – счастья не будет. Отсюда простой вывод – мы должны уехать из этого города. Так, сестра?

Мария подняла голову.

— Да, брат мой!

Я встал.

— Иди ко мне!

Сестра подошла. Я обнял её.

— Мария, я обещаю тебе, что решу эту проблему. Обязательно решу! Вы не будете с Янисом здесь жить. Но мне нужно время. Поэтому я очень прошу тебя: потерпи. Чуть-чуть. Пожалуйста.

Сестра освободилась от объятий, чуть отодвинулась. То, что я увидел в её глазах, меня сразу успокоило. Теперь я знал: Мария больше не будет страдать и не будет своим видом и поведением заставлять страдать меня. Она верила в мое обещание и была готова терпеть столько, сколько мне понадобится, чтобы решить все проблемы.

Она кивнула. Мы улыбнулись друг другу, поскольку слова были не нужны. Договор был заключен. Поцеловались.

— Спокойной ночи, сестра!

— Спокойной ночи, брат мой!

Я пошел в свою комнату. Обещание дано. Договор заключен. Дело за малым – исполнить.

Я вышел на балкон, глотнуть воздуха и хоть как-то проветрить голову. Замер.

— Чаю хочешь? – сбоку раздался знакомый озорной голос.

Я вздрогнул и обернулся.

Глава 7. Саранча и кантина.

— Опять напугала?

Адаша стояла на соседнем балконе с чашкой чая в руках, улыбалась, крайне довольная собой.

— Ты теперь все время будешь меня пугать? – заворчал я.

— Пока не привыкнешь!

«О-хо-хонюшки, хо-хо – два раза! – я, если честно, напрягся. – Судя по подпущенным в тембр низким частотам, у девушки игривое настроение. И это не то игривое настроение, которое она проявляла ко мне в первую нашу встречу. Это игривое настроение женщины, вышедшей на тропу войны. Неужели, сестра ей намекнула, что нужно начинать штурм?!»

Адаша, не переставая улыбаться, откровенно разглядывала меня.

— Так будешь или нет? Чай?

— Да, спасибо! Очень кстати!

Я потянулся за чашкой. Взял неловко. Чуть не выронил. Чертыхнулся.

— Да успокойся ты уже! – рассмеялась Адаша.

«Вот и пойми, – думал я, – просто она мне говорит или догадывается о моих страхах! Вполне возможно. Я сейчас в таком состоянии, как открытая книга: читай – не хочу! Надо бы, действительно, успокоиться».

Сделал глоток.

— Ууу...! – выразил высокую оценку вкусу чая.

— Да, я хорошо завариваю чай! – Адаша восприняла комплимент, как должное. – Бабушка научила!

— Жива?

— Нет. Умерла три года назад. Но многому успела научить. Была вместо мамы.

— Прости, а мама?

— Холера, – коротко объяснила страшную причину.

— Соболезную.

— Здесь это обычное дело... – Адаша задумалась. – Было, надеюсь.

«Это – бабушка надвое сказала, – подумал я про Адашино «надеюсь». – Да, здесь, в этом городе, оставаться нельзя».

— Не нравится Марии Одесса? – либо Адаша хорошо читала мысли, либо я сейчас был, действительно, как открытая книга.

— Нет. Не нравится, – признался я, не скрывая своего удивления по поводу точности вопроса юной девушки.

— Это ей еще повезло... – Адаша усмехнулась. – Тут раньше такое творилось. Все эти болезни. Пыль, грязь. Саранча.

— Саранча?!

«Не город, а какое-то средоточие казней египетских!» – подумал я.

— Саранча, – спокойно подтвердила Адаша. – Помню однажды, я маленькой еще была. И мама еще была жива. Мы всей семьей пошли на приморский бульвар. Море все-таки. Запах другой. Да и красиво было на закат посмотреть. Там много народу собиралось. Все семьями. С едой. Долго сидели и после заката. И так все было хорошо. Взрослые сидят, о чем-то разговаривают. Мы, дети, тут же рядышком играем во что-то, бегаем счастливые. Море – спокойное-спокойное, тихое-тихое. И звук моря в тот вечер до сих пор помню: будто надеваешь шелковое платье на себя. И вообще все звуки помню: голоса взрослых, наши детские голоса, шум волн. И тут...

Адаша здесь остановилась, покачала головой, опять, наверное, удивляясь тому, как быстро все в тот вечер изменилось.

— Знаешь, это произошло в одну секунду. Никто ничего не успел понять. Как со свечкой. Стоит на столе. Горит. Видно все вокруг. А подошел, дунул на неё. Миг – и все уже в темноте, ничего не видно. Так и тогда. В один миг все наши голоса, шум моря – все накрыл какой-то непонятный, но уже неприятный и пугающий треск. Мы-то дети вообще ничего не поняли. Остановились, смотрим. Да что мы! Многие взрослые ничего еще не понимали. Тоже, как и мы, замерли, подняли головы вверх. Только были там люди, которые много лет уже жили, уже ставивались, знали. Тут же вскочили. Как заорут: саранча, саранча!

Адаша усмехнулась.

— А уже поздно было! Уже неба и звезд не было видно, так много их налетело. Тьма! И все сразу исчезло под ними! Не было уже земли под ногами! Только сплошное покрывало из саранчи. И она трещит крыльями так, что уже и криков людей не слышно. И она хрустит под ногами, потому что с каждым шагом ты давишь её, давишь...

Опять усмехнулась. Уже с горечью.

— А мы же дети! Даже обрадовались сначала. Бросились ловить этих тварей, представляешь?! А потом начали плакать. Если они всю землю собой накрыли за секунды, много ли им нужно было времени, чтобы и нас всех накрыть с головой... Папа подбежал, схватил меня, прижал к себе, еще и рукой прикрыл мне глаза. Но пока мы бежали до дома, я плакала в голос. Хорошо, что, уходя, мы закрыли все окна и двери в доме. Иначе даже не могу себе представить, как бы мы с ними управились. Потому что они всю ночь бились в наши окна. Мы так и не смогли заснуть. На следующий день вообще не выходили на улицу. Потом рассказывали, что на следующую ночь они опять налетели на город. А в эту ночь был обещан фейерверк. Люди не удержались, вышли посмотреть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.